

ВЯЧЕСЛАВ КУПРИЕНКО НИЧЕГО ВЗАМЕН

СТИХИ
ПЕСНИ
ЭССЕ

КИЕВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ТВОРЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«КУЛЬТУРА»
БЕЛАЯ ЦЕРКОВЬ
«БУКВА»
2012

ББК 84.4УКР=РОС

К92

Вячеслав Куприенко — боевой офицер, капитан спецназа ГРУ, участник войны в Афганистане.

О чём пишет, чем живёт человек, прошедший войну? Как встретило его мирное время? Как удалось ему не утратить веру в человечность и сохранить свой особый внутренний свет?

В стихах, песнях и эссе, представленных в книге разделами «Маяк неба», «Времена любви», «Я вернулся», автор просто и искренне говорит о сокровенном, невольно побуждая читателя к со-переживанию, со-действию, со-звучию... Тема одна — жизнь, но подходы автора к ней многогранны: это и память сердца о войне, и философские размышления, и любовная лирика, и шуточно-ироничные зарисовки.

«Ничего взамен» — это не просто название книги, это стиль жизни и уникальный авторский почерк, сочетающий казалось бы несовместимое: тонкое чувство юмора, духовный личностный максимализм и самозабвенную созерцательность мира.

В'ячеслав Купрієнко — бойовий офіцер, капітан спецназу ГРУ, учасник війни в Афганістані.

Про що пише, чим живе людина, яка пройшла війну? Як зустрів її мирний час? Як вдалося їй не втратити віру у людяність і зберегти своє особливе внутрішнє світло?

У піснях, віршах і есе, які представлені у книзі розділами «Маяк неба», «Времена любви», «Я вернулся», автор просто й щиро розповідає про потаємне, мимоволі спонукаючи читача до спів-переживання, спів-дії, спів-звуччя... Тема одна — життя, проте підходи автора до неї багатогранні: це і пам'ять серця про війну, і філософські роздуми, і любовна лірика, і жартівливо-іронічні замальовки. «Ничего взамен» — це не просто назва книги, це стиль життя і унікальний авторський почерк, який поєднує здавалося б несумісне: тонке почуття гумору, духовний особистісний максималізм та зятяте споглядання світу.

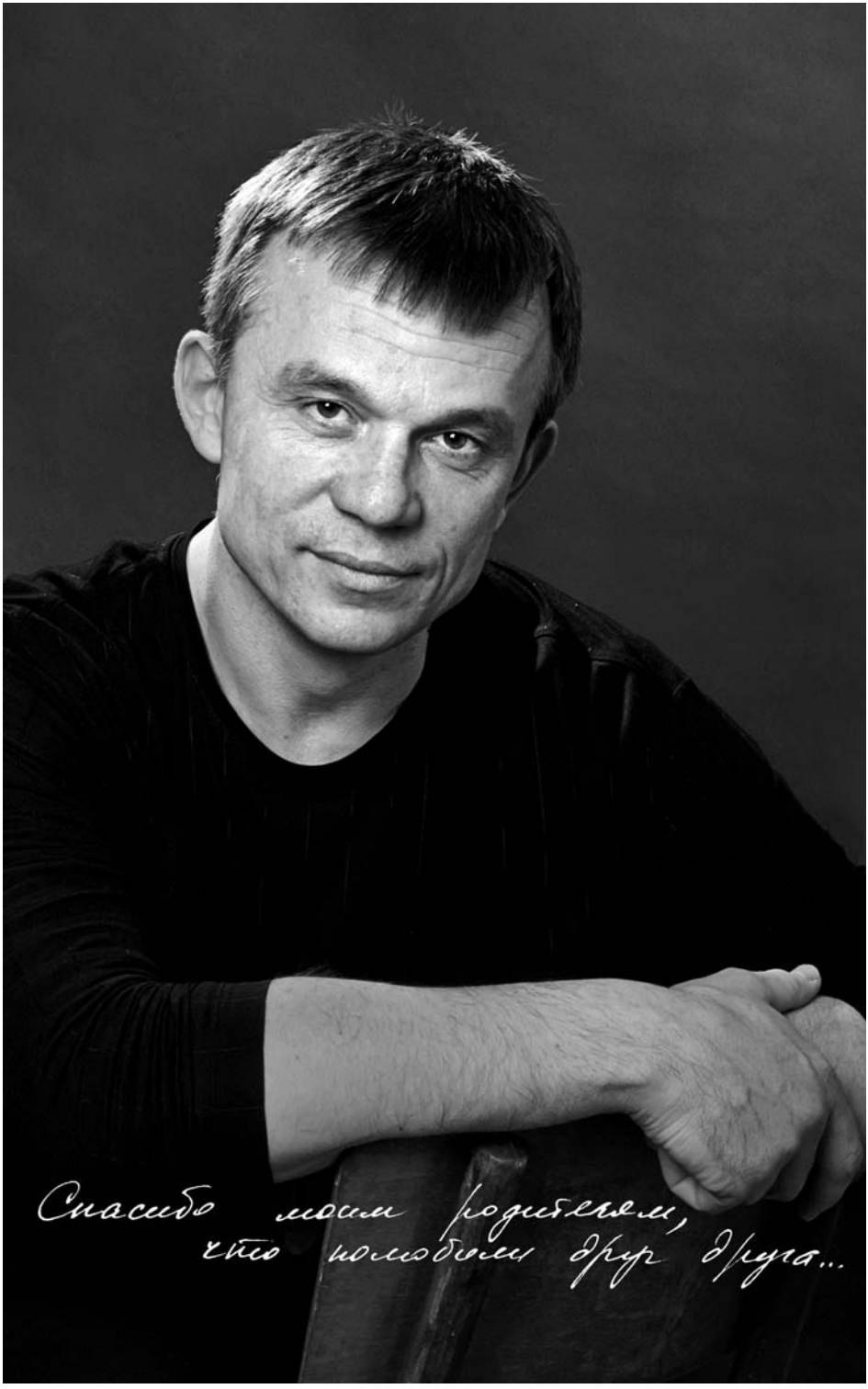
Редактор — Татьяна Майданович

ISBN 978-966-2927-06-1

© Куприенко В. Н., текст, 2012

© Куприенко Д. В., художественное оформление, 2012

© «Буква», подготовка издания, 2012

*Спасибо моим родителям,
и тем, кто подобен друг друга...*

На дворе XXI век, а это значит, что обратная связь автора с читателем упростилась до одного клика в интернете. Буду рад вашим отзывам и пожеланиям. Конструктивная критика приветствуется.

www.vkuprienko.com.ua e-mail: oktava-ua@mail.ru

Вячеслав Куприенко

Вместо предисловия

Как я выбираю книгу

Почти четверть века назад я написал свою первую песню «8 декабря». Было это в Афганистане в апреле 1988 года. Песня посвящена памяти лейтенанта Трофимова, погибшего 8 декабря 1987 г., место которого я занял в штатном расписании батальона. Смерть незнакомого человека легла невидимой матрицей на мою жизнь, и я стал жить за себя и «за того парня». По сути дела, эта песня стала моим творческим маяком, а во многом – и жизненным.

С тех пор много чего произошло в мире и в моём мировосприятии. Поэтому в книге встречаются диаметральнойности по стилю и по весу, ведь написаны они с разным нажимом, разными чернилами и порою даже разным почерком. Незаметно для самого себя я втянулся в этот процесс. Сгустки моей боли и переживаний, удивлений и восхищений падали на бумагу и на струны моей гитары. Так появлялись песни. Интересно, что все мои тексты были изначально песнями и никогда – стихами. Слово и музыка во мне были неразрывны, как атомы водорода и кислорода в молекуле воды.

Много позже слово стало требовать себе отдельного, независимого от музыки пространства. Так стали появляться стихи и ещё чуть позже эссе – краткие, эпизодные, фотографические. Обожаю малые формы. Может, оттого, что не под силу большие, – как знать? Но страстно люблю выжимать из текста все соки.

А теперь несколько слов непосредственно о книге. Вот она готовая лежит передо мной. Я улыбаюсь и с удовольствием откладываю её в сторону, освободив пространство для нового. Любая публикация для автора – это техосмотр его души. Он полезен в «гигиенических» целях.

И, наконец, несколько слов по содержанию книги – чего от неё ожидать и чего ждать не стоит. Никакого особого замысла в ней нет, просто отобрано лучшее и упорядочено всё сочинённое мной. Короткие рифмованные взгляды, песенные зарисовки, небольшие рассужде-

ния в прозе и, конечно, чувства, на которых настояно первое, второе и третье.

Начинается сборник стихами, заканчивается эссе, а сердце книги отдано песням. Я специально ушёл от нот и табулатуры, чтобы позволить слову самому постоять за себя без прикрытия музыкой. Вот, собственно, и всё, если одним штрихом. Насколько она будет интересна читателю – вопрос уже не ко мне. Я лишь могу поделиться мыслями о том, как я сам выбираю книгу.

Итак, начинаем с одёжки. Когда берёшь в руки книгу (особенно неизвестного автора), то руки и становятся её первым читателем. Понятно, что главное в книге – содержание, а не обёртка, но почему-то тактильность в книжном деле мне кажется знаковой. На ощупь трогаешь душу книги, её размер, фактуру бумаги, смотришь шрифт... Крутишь её, примеряя к своим ладоням. Никуда от этого не деться – знакомство всегда начинается с внешних контуров. Они зажигают интерес или вызывают отторжение. Но не забывайте об исключениях: бывают бриллианты и без оправы.

После этого читаем аннотацию. Но тут надо быть настороже: критических аннотаций не бывает по определению. Их задача – завлечь читателя. Они могут быть бездарными, но никогда не будут хаять саму книгу.

Дальше смотрим на издательство и на тираж. Если он до 1000 экземпляров, то это – «самиздат» (за свой счёт), как в моём случае. То есть в книге заинтересован только сам автор, а это значит, что критикой он вряд ли обкатан и брать такую книгу всегда рискованно. Если тираж больше 1000 – это уже вызывает уважение, если гораздо больше – вызывает подозрение. А теперь главное: открываем книгу наугад и читаем пару строк или абзацев. Если незаметно прочли больше – это добрый знак, значит, взгляд за что-то зацепился. Тогда следует сделать ещё парочку выборочных прочтений и измерить температуру своего интереса: подогрелся он или, наоборот, остыл? Ну, а если почувствовали «любовь с первого взгляда» – Вам повезло, берите не задумываясь. Ум не включайте, слушайте сердце и решайте, нужна ли Вам эта книга.

СТИХИ
МАЯК НЕБА

Поэт ненаписанных строк

Я по горло увяз в своих новых стихах...
По расквашенной жиже болота
неуклюже ползу на разбитых осях,
измождённый, солёный от пота.

Больно спину стегаю я Музе своей –
только в грязь ей ползти неохота.
«Но! Пошла же, родная, давай, веселей!
Это ж кровный твой долг и работа!»

Рукавом утираюсь, измок донельзя
и корю себя: «Что ж мне неймётся?
Где та тропка, что в ритм, где та в рифму стезя?
Неужели и здесь не найдётся?»

Но кого мне винить и казнить всякий раз?
Я ведь сам, нарушая законы,
круто в сторону взял, удаляясь от трасс,
от асфальта, камней и бетона.

За поэзией надо лететь в облака
и творить, восхищаясь полётом...
Даже прозу – и ту нелегко отыскать
в этом богом забытом болоте.

Непролазная топь... неужели тупик?
А назад не пускает гордыня.
Прямо здесь напишу самый жаркий свой стих,
да такой, что вовек не остынет!

Улыбнусь я судьбе, и, хоть я не игрок,
свою ставку я сделал давно:
я поэт всё ещё ненаписанных строк,
музыкант неисполненных нот.

***

Прислушайся к молчанию небес,
всмотришься в ночную мглу.
И
различи все звуки мира,
и
различи все краски дня.
Прислушайся,
всмотришься
и
напиши
мелодию любви,
и
напиши портрет любимой.
И люби.

2009

Чёрная дыра

До Красоты я завертел
калейдоскоп небесных тел.
И, до предела доведя
вращенье звёздного дождя,

я весь измок, лишился сил,
но всё крутил его, крутил...
Стал самым главным из Светил.
Вокруг меня весь белый свет
кружит со скоростью комет,

искрит зигзагами орбит.
О, моё Небо, я разбит!
Мне не дано теперь любить.
Во мне неистовым огнём
горит душа. Я истощён.

Я – не закат и не рассвет,
я – белый день, я – вечный свет!
Я вечно там, где тени нет...
О, как хочу я знать ответ:
осталось сколько звёздных лет

вертеть мне этот маховик?
О, Вечность, ты же чей-то миг!
О, как устал я излучать,
хочу всё заново начать,
хочу лететь куда хочу...
Я улетаю, я лечу!..

Но через слёзы хохочу!
Ведь цепью скован я своей,
сжат гравитацией полей.
Вновь становлюсь я сам собой –
безвестной чёрною дырой.

Рисунок счастья

Представляю счастье в белом...
Окуну кисть в облака,
нарисую счастье смело
белоснежно-нежно-белым
иероглифом цветка.

Без отрыва от бумаги
весь цветок – одним мазком...
Акварельной чистой влагой
лепестки в рисунок лягут –
где с нажимом, где легко...

И едва отдёрну кисть я –
встрепенётся мой цветок,
от бумаги отслоится,
от рисунка отстранится...
Сделав воздуха глоток,

скажет слово мне простое:
«Я дышу! А ты пиши!
Всё, что пишется с душою,
задевает за живое
живописностью души».

2010

***

Цветы, прекрасные цветы –
лишь фотовспышка красоты.
Выращивают вас,
чтоб срезать.

1999

[yong] вечность

Маяк неба

Жизнь – мака алый мотылёк,
восторг на тонком стебле.
Один,
среди закатанных в асфальт дорог,
маяк земной – для неба.

2007

天下

[tiānxià] Поднебесная

***

Любуюсь закатом:
рубиновый шар
вползает
в землю.

2010

太阳

[taiyang] солнце

***

Апельсин луны
медленно
катится
с крыши
и...
виснет
в паузе ночи.

2011

月光

[yueguang] лунный свет

***

В
чашке
чёрного
неба –
лимонная
долька
луны.

2012

The image shows two vertical Chinese characters in a calligraphic style. The top character is '茶' (tea) and the bottom character is '杯' (cup). Together they mean 'tea cup'.

[chabei] чашка чая

***

Ветки свились в иероглиф,
обозначив «бесконечность».
И по сонному пространству
длился,
лился,
лился
дождь.

2005

[yu] дождь

***

Дождь, солнце,
радуга –
физика света, лирика знака...

2011

[yangguang] солнечный луч

***

Море ласково щекочет
солнца розовые пятки.
И рисует эхом света,
и качает эхом ветра
иероглиф
на
волне.

2011

海
风

[haifeng] морской ветер, бриз

***

Вечерняя заря
напоила землю
абрикосовым соком
солнца.

2011

[xìng] абрикос

***

Дождик скачет за окном,
повторяет гамму.
Тон –
об зонтик,
полутон –
по оконной раме.

2009

音阶

[yinjie] гамма

***

Закат...
Рябиновый в полнеба.
Безмолвие.
Безветрие.
Стоп-кадр.

2009

[gongfu] время

***

Предрассветие...
Падают звёзды,
рассыпаясь
росой
по траве.

23.04.12

星号

[xinghao] звёздочка

***

Мысли мягко бьются в такт
под раздольный стук колёс.
И диктуют: жизнь – пустяк...
То ли в шутку, то ль всерьёз?

2009

***

Я недавно открыл для себя новый мир
в этом старом, заброшенном мире –
обнаружил в шкафу свой курсантский мундир.
Оказалось, что я его шире.

1999

Коктебель

Солнце, горы, степь да море –
удивительный коктейль.
Пью и пью твои просторы,
Коктебель.

2007

***

Сказала Смерть: «Его пора кончать».
И сколько ж лет...
да нет,
дыханий сколько
успею я сквозь тело прокачать?

1999

В зоопарке

Белые лебеди в чёрной воде...
Дальше пруда не бывать им нигде.
Им никогда облака не обнять:
крылья подрезаны, нечем летать.

1999

***

Чем любит человек? пожаром сердца?
течением крови? квантами души?
дыханьем лёгких? натяженьем нерва?
Известно лишь: чем любит – тем грешит...

2011

***

Отлившись в форму кресла, зритель ждёт,
что растревожу его мысли, душу, чувства...
Я исповедую одну религию – Искусство
и верую, что, оторвавшись от оплаченного места,
мой зритель долго себе места не найдёт.

1999

***

Слова... слова...
Сменив здесь «о» на «а»,
язык мне русский стал ещё родней...
Увы, я ростом выше скромности своей...

2005

***

Прощай, поэзия! Мне рифмы изменили.
Уеду к прозе – верная она.
Умру... и на моей могиле
пусть не напишут ни хрена!

2007

***

Вот Свет,
под ним не грех раздеться.
А Свет раздетый – радуга любви.
Признание в любви –
есть Свет,
преломлённый в сердце
последнего романтика Земли.

2011

***

Когда захочешь вдруг
ты изменить весь мир вокруг,
на всякий случай ты начни с себя...
А, изменив себя, и мир найдёшь другим.

1999

Я не умею

Я не умею оставлять любимых.
Я не умею покидать друзей.
Я не умею жить наполовину.
И спину
прогибать под весом дней
я не умею.

2007

***

Всё делай сам. Причём тут Бог?
Не уповай на глупый случай.
Я нынче сделал всё, что смог.
Кто может – сделает пусть лучше.

1999

Смерть умерла

Смерть умерла: слух облетел планету
быстрее звука, мысли, молнии быстрее – такая весть!
Тьма проиграла битву Свету –
спустилась благодать с небес!

Смерть умерла. Патологоанатом
под утро заключил: причина смерти – истощение сил.
Да, жизнь покойницы была по сути адом.
Не выдержали нервы – суицид.

Смерть умерла. За все тысячелетья
друзей – ни одного, врагов... любой живой да плюс родня
желали ей самой себя, ну, то есть – смерти.
Но верх всегда брала она,
хотя один как будто бы воскрес, спустя три дня.

Смерть умерла. К гадалкам местным
пропал вдруг интерес: исчезла страсть людей узнать ответ.
А что спросить? Всё главное известно:
исход у всех один – исхода нет.

Смерть умерла. Стал безработным пастор:
всё, что обещано им было в небесах, случилось здесь.
Отныне вера не нужна, ведь ясно:
раз Смерти нет – Бог точно есть.

Смерть умерла. В столовой повар
развёл руками: курицу на суп нельзя сварить.
Ей голову отсёк – жива, сварил – кудахчет снова...
Теперь придётся без конца постить.

Смерть умерла. Переполох в тюрьме!
Истерика! До слёз смеялись осуждённые на смерть...
И взбунтовались не на шутку те,
кто должен был пожизненно сидеть.

Смерть умерла. Банальная простуда,
болезнь неизлечимая – отныне всё одно – пустяк.
Теперь лечиться – торжество абсурда,
теперь живи – хоть удавись, вот так!

И лишь поэт, с рождения слепой,
узрел в победном лике Света роковую маску Тьмы...
И у могилы произнёс: «Здесь Смерть нашла покой,
Жизнь потеряла смысл».

2012

***

Когда поймёшь, мой друг,
что ты достоин двух,
пора уж уходить...

2008

Занебесье

Закону тяготенья вопреки
свалился вверх я. Неба полотно
вспорол отточенной, как финский нож, судьбой
и вышел в занебесье. Как темно...
За ширмой неба мир открылся не таким,
каким я представлял его из Книги:
мол, в небесах – всё свято,
а всё под ними – грех, разврат и грязь.
Да, в небе грязи нет, как нет и чистоты.
И ничего тут нет и никого – лишь я один,
презревший мир людей, мир жизни –
пусть и непростой,
сплетённый тысячей больных узлов.
Здесь холод в пустоте пустот
парит над брэнной суетой сует.
Глаза здесь не нужны – повсюду тьма,
слух ни к чему – звук неподвижен в вате немоты...
Пощупать нечего рукой и запаха не уловить.
Чувств – нет как нет. Лишь только мозг,
безжалостно сверлящий череп
назойливым вопросом «Зачем я здесь?»
Домой! Скорей домой!
На ощупь – в щель,
в мой мир земной, пусть грешный, но живой...

Порою, чтобы жизнь свою узреть,
немножко нужно умереть...

***

Кто виноват? – Вопрос, как мир, не нов...
Как дальше быть, что делать? – Пустота.
Вначале, как известно, было Слово,
ну а теперь – слова, слова, слова...

2012

***

Услышать, как падают листья...
Увидеть, как движется ветер...
В детях душою продлиться
и не жалеть междометий!

2012

***

Очень осенняя...
Осень оченная...
Очи у осени – синь...
Души созвучные,
звуки содушные
в осень свою унеси...

2012

***

Два путника – мужской и женский род –
на ощупь под луной идут навстречу...
Возможно «к», а может быть и «от»...
Лишь солнце результат пути заметит.

2011

***

Слеза...
Одна слеза...
Одна едва заметная слеза
сползла...
И высушила душу...

8.04.12

***

Улыбка...
Одна улыбка...
Всего одна случайная улыбка...
И – ВСЁ!

9.04.12

***

Многотучье небес...
Жду тебя.
На стекле –
многоточье дождя...

23.04.12

***

Катались мы на падающих звёздах
и на качелях Млечного Пути...
И под зонтом ночного небосвода
дрожали твои губы: «От-пус-ти».

2011

***

За окном листва кружит
медленно и важно...
Губы в губы – бьётся жизнь
в поцелуе влажном.

2009

ПЕСНИ
ВРЕМЕНА ЛЮБВИ

Восьмое декабря

*Светлой памяти лейтенанта Алексея Трофимова,
погибшего 8 декабря 1987 г. в Афганистане, посвящается*

Ему не пить, он Новый год не встретит.
Глаза любимой влажные, в слезах.
В сопровожденье друга он вернётся
с цветами в головах, а не в руках.
Земля летит по солнечной орбите.
Начала нет и нет, видать, конца...
Седьмое декабря ушло навеки,
да вот восьмое врезалось в сердца.

«Вертушки» сели, пылью обрастая,
и группа вся – на голову врагу!
Из «граников» душманы нас встречали.
Нет! Бой тот описать я не смогу!
Бежал в атаку он со всеми вместе,
но пуля – эти девять грамм свинца –
пронзила грудь. Остановилось время.
Но этот бой довёл он до конца.

И до конца никто не мог поверить,
что этот красный маленький рубец...
Он сам стоял, сам шёл и улыбался,
и тем страшнее был его конец.
В углу палатки с алой-алой лентой
его кровать, как памятник войне.
С потёртой фотографии он смотрит
и молча говорит он что-то мне.

Он говорит: «Мой друг, всё в жизни просто...
А наш второй отдельный батальон
пусть вспомнит обо мне за третьим тостом
и передаст земле родной поклон».
Стою в строю теперь на его месте,
его АКМС мне руку жжёт...
Я за него теперь живу на свете.
Кто был в Афгане, тот меня поймёт.

Любимым

Ждёт сына мать, и ждёт его любимая.
Пролитых слёз, как звёзд, не сосчитать.
Меж ними – тыщи вёрст да небо синее.
За это небо он уехал воевать.

Конверт солдатский почта полевая
несёт в родные сёла, города.
Из госпиталя пишет он: «Родная,
я жив, здоров. А ваши как дела?»

«Мы ждём тебя, но нервы на пределе,
ведь никому на свете не понять.
Чуть стук в окно, как дрожь идёт по телу...
Сжимаю горло, чтоб не закричать.

А что ответить сыну или дочери?
По бледным щёчкам катится слеза.
– Где папа наш? Когда же он вернётся? —
упрямо смотрят детские глаза».

Ждёт сына мать, и ждёт его любимая.
Пролитых слёз, как звёзд, не сосчитать.
Меж ними – тыщи вёрст да небо синее.
За это небо он уехал воевать.

11.11.88

Нацистский значок

По парку Победы иду я с женой,
на правой груди моей – орден.
Не все из Афгана вернулись домой,
а мне посчастливилось в роде.

Навстречу нам парень идёт молодой –
затылок забрит и висок...

На чёрной, как ночь, рубахе его
сверкает нацистский значок.

Глазам не поверил. Подумал сперва,
что с Запада выкормыш этот.
Но нет! Его русская мать родила,
и русской землёй он согретый.

Неужто забыли мы концлагеря,
Хатынский забыли набат?

Забыли, как стонут, режут матеря?
Фашистский забыли мы ад?

Мы в Афганистане мужали в боях,
но наши сердца не грубели,
лишь кровью они наполнялись сполна,
да волосы наши седели.

И нам не понять, увидевшим смерть:
для нас это – выстрел в лицо.

И нет больше сил стоять и смотреть
на свастику этих юнцов!

Наденем, друзья, свои ордена
и станем шеренгой строгой,
чтоб свастики тень никогда не легла
на русские наши дороги!

Я вспоминаю

Я вспоминаю раскалённый бетон –
это наш аэродром.
Я вспоминаю горы в снегах.
Спаси нас, Бог, и помилуй нас, Аллах!

Я вспоминаю солнца зной,
пуль свист и снарядов вой.
Я вспоминаю воды глоток...
Кровь кипит и стучит в висок.

Я вспоминаю осколков град,
«духов» мать и наш русский мат.
Я вспоминаю друзей взгляд,
всех тех, что там лежат.

Я вспоминаю наш родной вертолёт.
Он летит – значит, жизнь идёт!
Я вспоминаю, он сорвался с небес...
Я это помню – значит, я воскрес.

19.02.96

Арифметика боя

Военные сводки поведают миру
о павших в последнем бою.
Сухая статистика с датами жизни
представит работу свою.

Приятно услышать, что наших погибло
немного в последнем бою.
Разбили врага мы, и нам не обидно
за честь и державу свою.

У нас – два убитых, а их восемнадцать
навек замолкло в бою.
Один к девяти, а всего ровно двадцать –
застывших в едином строю.

Тут, как ни крути, – арифметика боя
за нами: один к девяти.
Для них мы – убийцы, для нас мы – герои.
Попробуй-ка правду найти!

За цифрой немой никто не услышит
кричащей солдатской души.
Прострелена пулей. Осколками вышит
узор в перевозванной тиши.

Алёшки не стало, а мне вот досталось
стоять у могильной плиты...
В тире между датами жизнь спрессовалась,
закопаны в землю мечты.

Сравненья и цифры в войне неуместны,
там счёты со смертью просты.
Всего лишь один вдруг окажется много,
когда это именно ты.

Апрель 1997

Там – Россия, здесь – Афганистан

Там – Россия, моя Россия, здесь – Афганистан.
Там цветут сады, и нет войны.
Здесь – лишь солнце, скалы, пылевой туман...
Здесь мы все в гостях у сатаны.

Русский дождик, свежий ветерок,
и парит журавлик в синеве...
Можно слушать, как поёт сверчок,
и росой умыться на заре.

Там – Россия, моя Россия, здесь – Афганистан.
Там спешат влюблённые в кино.
Здесь покоя нету от душман,
и вернуться всем не суждено.

Пыль «афганца»¹ в лёгких и во рту,
солнце жжёт, и спину трёт РД.
Пусть мы все здесь в ранах и в поту –
всё равно возьмём ту высоту.

Там – Россия, моя Россия, здесь – Афганистан.
Как бы всем вернуться нам туда,
как бы не попасть нам всем в «тюльпан»²!
Остальное, в общем, ерунда.

Мы мечтаем о конце войны,
и немного в жизни надо нам.
Лишь бы эту песню спели мы
нынче – здесь, а завтра – там.

7.09.88

---

¹ Ветер.

² Самолет, которым доставляли в СССР погибших советских граждан.

Письмо другу

*Моему другу Александру Афанасенко,
г. Могилёв, Беларусь*

Мы с тобой, Санька, друг, воевали,
по ущельям ходили чужим.
Вместе спали и вместе мечтали,
как домой воротиться живым.

Мы с тобой подрывались на минах,
снайпер нас на прицеле держал.
По вискам пробежались седины,
на телах расписался металл.

Нас не брали ни смерть, ни усталость,
нам казалось: мы вечно вдвоём.
Нас тогда по стране разбросало,
мы теперь за границей живём.

Наплевать я хотел на границы
с высоты покорённых вершин!
Вспоминаю я юные лица
нас, мальчишек, но всё же мужчин.

Нашим душам так нужно обняться
среди белых, в ромашках, полей.
Помнишь, Санька, нам было по двадцать?
Цел был Лёшка, и жив был Андрей...

10.08.97

Эх, пацаны!

После войны, после войны,
после войны солдату долго снятся сны.
Жаркие сны, рваные сны:
вновь поднимаются в атаку пацаны.

Эх, пацаны, эх, пацаны!
Как много стало вас частицей тишины...
Скорбь матерей... Горе отцов...
Крик не родившихся на Божий свет мальцов...

Эх, пацаны, эх, пацаны!
Мы возвратились из объятий сатаны.
Детям своим, внукам своим
мир чёрно-белый разукрасить отдадим.

Эх, пацаны, эх, пацаны!
Мы стали совестью бессовестной страны,
честью страны,
болью страны,
нервом оборванным...
Эхом, расколотым разрывами войны.

1999

Февральская звезда

Над минаретом мается
Февральская звезда.
С Афганом мы прощаемся,
уходим навсегда...

Колонной нескончаемой
на перевал Саланг
ползёт броня отчаянно
по рваным нервам скал.
Бьёт по лицу уставшему
наотмашь мокрый снег,
а пули, сбившись стаями,
танцуют по броне.

Машины кровоточили
у трассы на краю,
свинцовые пощёчины
достались им в бою.
Немыми обелисками
отмерян путь домой
и освящён неблизкою
Февральскою звездой.

Припев:

Там, за рекой,
за Амударьёй,
по самому сердцу иглой
татуированный был я войной.

И вот он, мост, заветный мост –
бурлит Амударья...
Я поднимаюсь в полный рост,
злой пули не таясь.
И на мосту я обернусь:
«Прости, прощай, Афган!
Ты мою жизнь перечеркнул
диагональю ран.»

Припев.

Ну вот мы и на родине,
и дальше нет пути.
Но до сих пор на взводе мы –
пусти, война, пусти!
Ослабь свои объятия,
освободи захват:
сын возвратился к матери,
домой пришёл солдат.

Дымили папиросами,
взрослели от измен,
шныряли иглы острые
по синим трассам вен.
Нагар смывали водкою
мы с обожжённых душ
и вспоминали «соткою»
Февральскую звезду.

Припев.

Прошито небо трассером,
расстрелян Млечный Путь,
убиты звёзды ясные,
их в небо не вернуть.
Кто не пришёл с задания –
останется в веках
на алом шёлке знамени
последнего полка.

Декабрь 2009

Под красным крестом

Я сегодня не спал, словно чувствовал, знал,
запах смерти почуяв нутром...
В чутком мамином сне – гроздь рябины на снег –
словно капли запёкшейся крови
скатились в сугроб.

Взрыв откинул назад, полоснул по глазам...
Липкой кровью пропитанный бинт...
Нестерпимая боль... и за что так судьбой
я наказан жестоко? Уж лучше
я был бы убит.

Полковой медсанбат... Я теперь не солдат...
Что ж ты, ангел, меня проглядел?
Но улыбка твоя воскресила меня,
медсестричка, сестричка, богиня
солдатских надежд!

Здесь, под красным крестом, только раненых стон...
Острый скальпель – печальный итог.
Здесь последний рубеж: «Доктор, только не режь!
Ты же чуточку, чуточку больше
можешь, чем бог!»

Наконец-то заснул, сон мне ноги вернул...
Чистым полем бегу босиком...
И холодной росой под ногою босой
обжигаяще стелется память
в родительский дом...

Посмертная исповедь офицера

*Иванову Зурико Амирановичу, Герою России,
полковнику ГРУ, погибшему 4.10.99 г, посвящается*

Вчера был мой последний бой.
Врачи намучились со мной,
но зря – была смертельной рана.
Ещё вчера, лишь день назад,
я был живой и вёл отряд...
Вчера, как будто ровно десять лет назад
в Афганистане.

Я помню, десять лет назад
в моём отряде был солдат –
не раз спасал меня от пуль душманов.
И вот вчера, среди гор и скал
его в прицел я увидал.
Узнал! И он узнал меня, ведь был со мною там,
в Афганистане.

Ну что, бача, как быть теперь?
Как разойтись нам без потерь?
Как убережешь святую нашу память?
Нет, не спасти своих сердец:
обоим в грудь – сырой свинец...
А в души... а в души на двоих – один тяжёлый
мокрый камень.

Здесь не Кабул, не Кандагар –
Чечня. И вновь: «Аллах Акбар!»
Опять прикрылся враг звездой ислама.
Опять звучит чужая речь.
Война... и всех не убережешь. Приказ: «Кавказ!»
И снова стынет кровь в сердцах
у наших мам.

11.11.99

Снайперы

*Погибшим от пуль снайперов
в Чеченской войне посвящается*

На зачистку идёт батальон:
город Грозный, Заводский район.
От угла до стены добежать бы, браток!
Ты прикрыл моё тело, а душу – не смог.
Даже если обрывки души
я сумею годами зашить,
всё равно часть останется там – снайперам.
Гудермес, Хасавюрт –
пули надрывно поют...
Ведено, Шали, Бамут...
Снайперы метко бьют.

Драка в городе, целюсь на звук.
Пулям тесно и людям вокруг.
В передышке короткой прикурим без слов
от своих раскалённых,
уставших от боя стволов.
Под прицелом с утра до утра
держат наши сердца снайпера.
Нет покоя ни ночью, ни днём под огнём.
Ханкала, Аргун, Шатой...
Снова жестокий бой.
Сержень-Юрт, Урус-Мартан...
Стонет Россия от ран.

Как обманчива здесь тишина!
На войне ей копейка цена.
Но невидимый враг тишине этой рад
и, похоже, меня выбирает
оптический взгляд.
И уже передёрнут затвор,
и Аллах подписал приговор,
но Христос дал отсрочку пока в три шага.

Тишину вдруг расколет щелчок,
и земля уползёт из-под ног.
После выдоха должен быть вдох...
Три шага, на четвёртом –
свинцовый глоток...

Ханкала, Аргун, Шатой...
Снова жестокий бой.
Сержень-Юрт, Урус-Мартан...
Стонет Россия от ран.

1999

Ангелы заоблачного флота

Братишкам по спецназу посвящается

Тревожное молчанье, ночное ожиданье,
приказ один, судьба одна на всех.
Награды, документы, пустые сантименты
оставим мы на взлётной полосе.
Уходим на заданье, кромсаем расстоянье,
и время рвётся в клочья от винтов.
В тылу врага назначено свиданье,
и нужно хоть на миг опередить врагов.

Припев:

Охота, не охота – такая вот работа,
опасная профессия, мужское ремесло.
Мы – ангелы разведки заоблачного флота,
военные бродяги, короли ветров!

Не просто нас запутать, небесные маршруты
под крыльями танцуют и поют.
Удачу мы надёжно уложим в парашюты
и высадимся там, где нас не ждут.
Затеяла природа нелётную погоду,
а мы её как раз такую ждём!
Укроемся снегами, развеемся ветрами,
туманами осядем и прольём дождём.

Припев.

Следы от нас остыли, растаяли, как иней,
нас даже не отыщет позывной.
Берет наш – ярко-синий, как небо над Россией.
Под нашими ногами – шар земной.
По нервам, как по нотам, стрекочут вертолёты,
загнали нас в ловушку егеря.
Да только всё напрасно: мы – черти в рукопашной.
Не зря нас обучали, ох, не зря!

Припев.

Мы смертные – и всё же Отечество дороже,
и выше чести только небосвод!
Мы – Родины солдаты, и братство наше свято.
Разведчик в бою не подведёт.
Что завтра будет с нами? Вернутся ли, не знаю,
мальчишки с восемнадцатой весны?
Историю спецназа пропишем именами
живых и не вернувшихся с войны.

2000

Марш павших шахтёров

*Памяти шахтёров, погибших 11.03.2000
на шахте им. Баракова в г. Краснодоне*

Печально молчат терриконы,
у братских могил нет лица.
Уходят в забой горняков батальоны,
в земле оставляя сердца.

Мы рубим неистово лаву,
вгрызаемся в жилы Земли...
Тебе, молодая держава,
мы отдали всё, что могли.

Как черти, проходы мы роём
и норы сверлим, как кроты.
Посмертную славу героев
добыли мы из темноты.

Мы чёрное золото рубим
и уголь даём на-гора.
У нас нету собственных судеб –
одна лишь сырая земля.

Профессия наша не в моде,
но честь мы всегда берегли.
И в путь свой последний подземный уходим
под землю – из-под земли.

Шестьсот тридцать метров до солнца,
шестьсот тридцать ниже «нуля»...
Восьмидесяти краснодонцам
пусть пухом будет земля.

13.03.2000

Мёртвый город*Чернобыльский реквием*

Мёртвый город, мёртвый город... Ни одной живой души!
Даже ворон, чёрный ворон, над Полесьем не кружит.
В этом пункте населённом нет названий, нет имён...
Был когда-то оживлённым... Нынче смертью заселён.

Кладбище городов... Зловещая тишина...
Помолчим, помолимся на кладбище, страна!

Цифры, доза, бета, гамма, непонятная латынь...
Разбросала пятна смерти горько-серая полынь.
Заражённая частица в заповедники души
залетела хищной птицей – монотонно жизнь крошит.

Кладбище городов... Невидимая война...
Помолчим, помолимся на кладбище, страна!

Родниковая водица, только пить её нельзя.
У домов – слепые лица, бесстекольные глаза.
Ночь на улицы ложится, все огни слизала тьма.
Мне апрель цветущий снится, а проснусь – кругом зима...

Кладбище городов... Мечта у меня одна:
чтоб не стала кладбищем, кладбищем моя страна!

1999

ДЫМ

Струится лёгкой паутиной дым.
На землю нежно седина его легла.
Он невесом, незрим, неуловим.
Он есть, но взять его нельзя.
    Он вездесущ, он есть всегда.
    Дитя огня, тумана брат родной.
    Он безмятежен. Безмятежен, как луна,
    и вечный друг его – покой.
Тепло огня давно остыло в нём.
Лишь запах вечности он бережно хранит.
Не видит смысла, как мне кажется, ни в чём,
а просто медленно парит.
    Его душа – сплошная мгла,
    а жизнь – короткая, как сон.
    Он растворится, растворится без следа.
    И я не знаю, был ли он.
Мне дым поведал историю Земли.
Как над пожарами Помпеи он клубил,
как непокорных на кострах нещадно жгли,
хоть каждый эту жизнь любил.
    А жизнь, как дым, а дым, как снег –
    растает в солнечных лучах.
    И беззащитный, беззащитный человек
    боится превратиться в прах.
Его спросил: «А как же человек?
Зачем душа? И жизнь дана зачем?»
Да только промолчал он мне в ответ...
Ах, да, ведь слеп он, глух и нем.
    Вопросов тьма – один ответ:
    «Ищи, пока хватает сил!»
    Один оставил на прощанье добрый след,
    другой – лишь просто наследил.

Январь 1997

Ничего взамен

Время моё, ну куда ты летишь?
Повремени, сядь, отдышись,
остепени свой стремительный пульс,
дай мне понять: так куда же я рвусь?
Рвусь, как всегда, изо всех жил и вен,
но никогда и ничего я не прошу взамен.

Мысли мои беспокойно кружат,
их не унять, не удержать.
Сердце стучит, гордо бьёт миокард:
импульс, толчок, за ударом – удар.
Сердце стучит до напряженья вен,
но никогда и ничего сердце не ждёт взамен.

Совість моя – в чистом поле роса,
чувства мои глубиной в небеса.
Воля моя – устремлённость стрелка,
гордость моя – это знамя полка.
Правда моя в генах отцовских есть,
но никогда и никому я не оставлю честь.

Май 2007

Баллада о лётчике

*Светлой памяти штабс-капитана
Нестерова Петра Николаевича (1887-1914), автора
«мёртвой петли» и первого в мире воздушного тарана*

На лётном поле нежится туман,
над скошенной травой – пробившийся цветок.
Ах, как от нас далёк небесный потолок!
Нелёгко путь, чтоб высоты испить глоток.
А он смог, да как смог
крылом упругим зацепиться за поток!
Ершистый ветер летел навстречу,
брил фюзеляж и щекотал машине бок.

И вот – опасный крен на вираже,
пропеллер режет в пыль воздушные пласты.
Закрылочки визжат, штурвал в руках зажат.
Изо всех сил рву на себя руль высоты.
Свечой в небо войти мне бы,
удавкой мёртвой затянуть тугую даль.
Я в апогее в обнимку с небом!
Дуга замкнулась: я покоряю вертикаль!

Промчался год нелёгкий над страной.
Германский фронт – и с первых дней в строю
штабс-капитан.
Под небом львовским бой в дни Первой мировой –
и он решил самым первым на таран.
Крутой вираж, на абордаж...
Не увернуться. Жизнь потом, сначала – цель!
И в этой драке – одна атака,
всего одна – его последняя дуэль.

На кладбище Лукьяновском шумит
столетний клён, и ветер лист осенний рвёт.
«Четырнадцатый год» прервал его полёт.
Осталось имя на плите, осталась роспись в синеве:
«Нестеров Пётр».
Собор Никольский служил молебн.
Рекой живою люди шли к нему и шли.
Прощался Киев, и Днепр широкий
слезой огромной стекал по облику Земли.

2004

Давайте, ребята!

Давайте, ребята, беречь наш очаг –
холодной Вселенной уютный причал!
Кружится планета Земля, награждённая жизнью.

Давайте согреем теплом своих рук
арктический север, заснеженный юг.
Простужены синие льды сквозняками Вселенной.

Давайте поддержим плечом небосвод!
Атланты устали, пришёл наш черёд
над грешной землёй приподнять низко павшее небо.

Наш маленький шарик, живая душа!
Тебя укачаю я, как малыша.
Ты, словно котёнок, в моей уместишься ладони.

И если уж верить, что Бог в небесах
ютит наши души в далёких мирах – поверьте,
Господня душа на земле обитает.

Дерзайте, творите, рискуйте порой!
Великим не станешь ты малой ценой.
Не стоит жалеть своих сил на стремительном марше!

2006

Киевская Русь

К былым векам назад вернусь,
далёким предкам поклонюсь.
Тобой живу, тобой горжусь,
земля родная, Киевская Русь!
Твои далёкие остроги –
полгода конного пути.
И рек опасные пороги
хочу с варягами пройти.

В твоих глазах не видел страх
ни разу даже самый грозный враг.
В твоей душе живой огонь
горит. Попробуй только тронь!
Звенит кольчуга, рвутся кони,
в пыли купая седоков.
И гнёт ковыль-трава поклоны
во славу русских мужиков.

Из уст в уста брела молва
о граде – золотые купола!
На Днепр-реке в густых лесах
вознёсся город на семи холмах.
У нас одно святое слово,
любого русича спроси:
– Откуда родом, братцы, кто вы?
– Мы все из Киевской Руси.

Моя судьба, судьба страны –
узлом славянским сплетены.
Сквозь толщу лет, сквозь кровь и пот
рождался славный наш народ.
А мы – особого покроя.
Не лыком шиты мы, клянусь!
Давайте вспомним мы бывшее:
«Откуда есть пошла святая Русь?»
По духу братья мы, по крови.
Отечество одно – святая Русь.

Я говорю на русском языке

Бушуют страсти в политических глубинах,
но, слава богу, я плыву в другой реке.
Да, я родился и живу на Украине,
но говорю на русском языке.

Я много лет скитался на чужбине
и письма я домой писал накоротке.
Мой адресат жил на восточной Украине,
он отвечал мне на русском языке.

Мои мечты витают в небе синем,
моя душа есть в каждом стебельке...
Свою судьбу нашёл на Украине,
в любви признался ей на русском языке.

Таких, как я – не меньше половины
в великом Киеве и в дальнем закутке.
Мой дед погиб в боях за Украину,
текст похоронки был на русском языке.

Как часто те, кто родину покинул,
патриотизм осознают свой вдалеке.
Мой вам поклон, борцы за Украину,
мой вам привет на русском языке!

Так в чём вопрос? Скажите, в чём я винен?!
Неужто снова будем братья за штыки?
Давайте просто будем жить на Украине
и попридержим злые языки!

На Владимирской Горке

Звук моторов не слышен –
только шёпот шасси...
Современностью дышит
сам креститель Руси.
Замурованный в бронзу,
в душу Киева влит...
На Владимирской Горке
его сердце стучит.

Над днепровскою кручей,
зацепившись за крест,
вероломные тучи
начинались окрест.
Сделан княжеский выбор:
истуканы в огне;
а языческий идол
предан быстрой волне.

Лабиринтами Лавры
склон днепровский прошит.
Христианскую славу
подземелье хранит.
Где-то в Дальних Пещерах
одинокий монах
заслоняется верой
от людских передраг.

И почти на пределе
человеческих сил
архитектор Растрелли
этот мир покорил.
Настоялась в закатах
королева церквей –
в изумруде и злате
Первозванный Андрей.

Над столицей древней
ветерком пролечу
и в Софии священной
я поставлю свечу.
Среди треснутых фресок,
потускневших икон...
Постою в этом месте
среди застывших времён.

2003

Рисую Киев акварелью

Небеса закружились над Киевом
белой птицей на вздохе зари.
Городов не встречал я красивее.
Вы простите мне, Рим и Париж!
Не спеша город мой просыпается,
досмотрев свой каштановый сон.
В Киев ты незаметно влюбляешься,
если вдруг не был сразу влюблён...

Ах, как дышится на холмах твоих!
Твои думы листают мои
настроения, откровения...
Расставляются точки над «і».

Фонари, исторически пыльные,
спуск Андреевский сторожат.
На Владимирской – башни со шпилями,
что ни дом – восклицательный знак!
Я люблю твои улочки узкие,
ах, Подол, утончённая грусть!
У меня есть такое предчувствие:
где-то здесь начиналась Русь.

В старом дворике – чувства прежние...
Я здесь понят и, значит, прощён.
Жизнь вчерашняя... по-домашнему
пахнет хлебом и свежим борщом.

Полчаса возле Прони Прокоповны
лицеист одноклассницу ждёт.
Он влюблён. *Він напевно закоханий.*
Ах, неужто она не придёт?
А она у подружки с Троещины
заболталась, и, кстати, о нём.
Боже мой, как похожи все женщины...
Киев здесь, Киев здесь ни при чём!

А причём каштан, и сирень причём,
и, конечно, причём весна!
Глазки светятся в мае месяце,
и плюсует асфальт имена.

Вечерком, сохраняя достоинство,
по трубе продвигается кот.
Он – король чердаков на Житомирской,
без него был бы Киев не тот.
Ляжет ночь – украинская *ніченька*,
включит звёздочки в каждом окне...
И луна подрумянила личико,
глядя в зеркало с именем Днепр...

Догорит закат страстно-медленно –
алый свет акварельной любви...
Заколдованно, зачарованно
подбираю аккорды твои.

Декабрь 2011

Баллада о городе Алчевске

Город мой, я с тобой помолвлен,
обвенчал нас Донецкий кряж.
Стал свидетелем ветер вольный,
да овражно-степной пейзаж.

Мы с тобою навеки вместе,
дан отец нам на всех один.
Звать его Алексей Алчевский,
первый города гражданин.

Твоей волей был город создан
и судьбою твоей крещён.
Городам, как далёким звёздам,
просто так не дают имён!

Рассыпает рябина гроздь
на измятую ткань судьбы.
Отливается память в бронзе —
значит, ты настоящим был!

Шаг последний землёю невоской,
шаг последний, ценою в жизнь.
Что ж ты так, господин Алчевский?!
Столько мог бы ещё прожить!

Нет, не смог поступиться честью,
сохранив её до конца.
Кровь лилась по холодным рельсам,
да по нашим, да по сердцам...

Полыхали в степях закаты,
расплескался росой восход.
Жили скифы, затем сарматы,
самый первый славянский род.
Жадно жались к земле туманы,
обнимая рельеф равнин.
Помнят конницу Чингиз-хана,
помнят взрывы немецких мин.

Закалялся народ в Донбассе,
вынес всё на своих плечах,
на шахтёрском труде заквашен
да металлом отлит в печах.

И бушует завод огромный,
и грохочет прокатный стан,
раскалённая дышит домна,
и мартен выполняет план.

Мой отец – металлург от бога.
Он катал листовую сталь
и держал меня очень строго,
чтобы я человеком стал.

Если честь – только высшей пробы!
Будешь честным – и будешь прав.
И упрямства добавить, чтобы
углеродистым вышел сплав.

Дым отечества мил и сладок,
привкус родины неповторим,
и куда ты ни кинешь взглядом –
всюду угольно-рыжий грим.

Экология здесь ни к чёрту,
только души людей чисты.
Краски яркие, нет, не стёрты
на рисунках моей мечты.

Ах, какие у нас девчонки!
Ох, намешано здесь кровей!
Ослепительные амазонки –
это гордость земли моей!

Мой Алчевск, ты – моя баллада,
твоей музыкой я рождён.
Мне мелодий других не надо
и не надо других имён.

Любимый город

Моему родному городу Алчевску посвящается

Как осенний листок, моя жизнь по дорогам кружилась,
и в свой город родной занесло меня невзначай.
Здесь всё, как и прежде, но как уже всё изменилось!
Встречай меня, город любимый, встречай.

Возвращаюсь к тебе, прямиком я на улицу детства,
где гонял пацаном во дворах у Лиманских прудов.
Где хоть мысленно можно душою и сердцем раздеться,
не стыдясь своих глупых и часто наивных шагов...

Чуть печально меня моя школа родная встречает.
Сколько лет пролетело, и сколько звенело звонков!
Но сейчас тишина. На уроках вся школа мечтает,
что не будет контрольных, экзаменов и дневников.

Возвращаюсь к тебе, город первой любви и свиданий!
Город первых побед и до боли обидных потерь...
Разве можно забыть, как встречался я с девочкой Таней?
Старый дворик. Подъезд. А в подъезде – скрипучая дверь.
Разве можно забыть, как встречался я с девочкой Таней?
И с которой живу, между прочим, теперь.

С каждым разом всё реже встречаю знакомые лица.
Прохожу стороной, не узнав своих старых друзей.
Но всё чаще мой город ночью порою мне снится.
Я его покидаю, а он для меня всё родней!

Как осенний листок, моя жизнь по дорогам кружилась,
и в свой город родной занесло меня невзначай.
Здесь всё, как и прежде, но как уже всё изменилось!
Встречай меня, город любимый, и снова – прощай.

11.09.96

Старый вокзал

А колёсики стучат, словно стрелки на часах,
всё «тик-так, тик-так, тик-так», отбивая жизни такт.
И мелькает за окном чёрно-белое кино.
Это было не так давно, когда бегал я пацаном.

Припев:

Старый вокзал, старый вокзал,
сколько меня раз ты встречал!
Старый вокзал, старый вокзал,
сколько меня раз провожал!
Старый вокзал города детства!
Старый вокзал, некуда деться –
наши пути, как ни вертеться,
пересекутся в городе детства.
Старый вокзал – это пауза, это привал.

А вагончики стучат и диктуют по ночам
километры глупых строк, многоточие дорог...
Проводница, не скучай! Принеси-ка лучше чай,
у него особый смак. Это так, всё это так.

Припев.

Пусть стучат, стучат, стучат мои мысли по ночам,
вновь «тик-так, тик-так, тик-так», отбивая жизни такт.
И не надо много знать, чтоб вокзала жизнь понять.
У него такая стать: то встречать, то провожать.

Припев.

1999

Дорога

Вся надежда теперь на ноги,
все молитвы теперь не в счёт.
Всё, что нужно, мне даст дорога.
Что не нужно – возьмёт.

Небыль, быль, скоро снова небыль...
Неужели таков закон?
Кроме посоха, звёзд и неба
что поставить на кон?

Я оставлю души осколок
на привале в траве густой.
Может, будет кому-то дорог
струн моих перебой?

Жаль, не знаю такого слога,
чтобы выразить жизни суть!
Вновь пылит подо мной дорога –
продолжается путь...

19.02.98

Полёт

А мы с тобой летели к своей заветной цели,
но, как бывает, оказалась цель не та.
И вновь – туман сомненья, и нет пока решенья,
и душу разрывает пустота.

Припев:

Я лечу в потоке звонким эхом,
эхом, отражённым в чьих-то снах.
Жизнь – лишь ожидание успеха,
разочарование в делах.
Я лечу в потоке снежной пыли.
Я не в силах изменить полёт.
Ну и пусть! Я покоряюсь силе.
Пусть она несёт меня вперёд.

Лечу теперь без цели, пока что кости целы.
О, как прекрасен необузданный полёт!
Всего одно мгновенье – какое там волнение? –
судьба мне расслабляться не даёт.

Припев.

Март 1998

Мир для тебя

Мы перестали спать под голубыми звёздами.
Мы разучились жить по солнечным часам.
Мне непонятно: для чего ж тогда мы созданы?
Мы даже маленьким не верим чудесам.

Мы перестали делать маленькие глупости.
Мы разучились детским шалостям внимать.
Мы очерствели и, увы, привыкли к грубости,
и всё труднее нам друг друга понимать.

Давно не ходим босиком лугами сочными,
не пьём мы воду из холодного ручья.
Глядим на мир мы через скважину замочную,
хоть нас учили, что подглядывать нельзя.

Забыли мы, о чём гласят святые истины,
сегодня правит нами скользкая стезя...
Мы лицемерим, врём и льстим почти что искренне,
хоть нас учили, что обманывать нельзя.

Как дым, развеялся по полю дух романтики,
за ним теперь гоняться не с руки.
У нас теперь одна забава – деньги-фантики.
Да это просто эпидемия тоски!

Ты распахни окно и дверь открой без робости!
Вот этот мир, он создан для тебя!
Всё для тебя: леса, поля, вершины, пропасти...
Войди в него смелей и не жалея себя!

19.01.98

Техника ловить поток

Царь и раб; бедняк, богач;
дурак и умный; жертва, палач.
Закон для всех, увы, один:
как ни старайся – исход один.
    Делить не стоит, кто есть кто,
    ведь всё пустое, и нет ничего...
    Нет слов, нет дел, нет мыслей и чувств...
    Уйдёшь из дома – и вот он пуст.
    Да потому, что мыслей нет и чувств!

Бог и дьявол; свет и мрак;
любовь и ненависть; смелость, страх.
Из двух дорог по одной ступай!
За шагом шаг, в ад или в рай.
    Есть только выбор: быть или нет.
    А может, это – иллюзия, бред?
    Судьбой отмерен нам срок, какой?
    Когда триумф, а когда – покой?
    Какой же срок отмерен нам судьбой?

Ты мчался первым, но вдруг упал.
И вот уж занят твой пьедестал.
Твоё паденье – это чей-то взлёт.
Вся наша жизнь – круговорот.
    И если хочешь поймать волну
    и удержаться в бурлящей пене,
    а при отливе не пойти ко дну, –
    познай науку о Переменах!
    Тогда ты точно не пойдёшь ко дну.

Вожак и стая; чиновник, поэт;
слуга, хозяин; вопрос, ответ.
Один пусть чёрный, белый другой –
выбора нет. Закон такой.
    Есть только техника ловить поток:
    попутным ветром наполнить парус,
    подняться выше на один виток.
    А что же в жизни нам ещё осталось?
    Да только техника ловить поток!

Путь

Вот путь мой отмечен – и можно идти,
и ветер судьбы уже в окна стучится.
Настала пора с отчим домом проститься
и просто отдаться пути.

Прямо пойдёшь – потеряешь коня.
Вправо – богатство; налево – жена.
Вправо – ты жизни напьёшься сполна.
А может, налево, где мир, тишина?
Куда же направить коня?

Стена впереди, а за ней – синева,
зовущая вдаль и манящая в небо.
Мой спутник в пути – подорожник-трава,
растёт даже там, где я не был.

Прямо пойдёшь – потеряешь коня.
Вправо – богатство; налево – жена.
Вправо – ты жизни напьёшься сполна,
а, может, налево, где мир, тишина?
Куда же направить коня?

Я верил в удачу и в счастье всегда.
Случалась беда, и бывало везенье.
Но вот, наконец, наступило прозренье:
не надо идти никуда!

Дорог очень много, всех не перечесть,
а жизнь коротка. Ни за что не успеть
езде побывать и всё посмотреть...
Вот кто-то шепнул мне чудесную весть:
«Судьба твоя там, где ты есть.
А сам ты есть тот, кто ты есть».

Я хотел отыскать дорогу

Я хотел отыскать дорогу
к Розовому мосту.
Не щадя своих сил, понемногу
я к версте прибавлял версту.
С высоты ледяной вершины
я смотрел в голубую даль.
Обжигающий зной пустыни
прямо в сердце вдыхал печаль.

Я хотел отыскать дорогу
к Серебряному Дворцу...
Мне кричали: «Идёшь не в ногу,
и зачем тебе это, глупцу?»
Я оставил пустые споры
и покинул свой край родной.
На коня! И вонзились шпоры,
закусил удила вороной.

Я хотел отыскать дорогу
к храму своей Мечты.
Не боялся ни чёрта, ни Бога
и с судьбой перешёл на «ты».
Я хотел на алтарь подняться,
там оставить свои грехи.
Только грех на судьбу обижаться.
Боги к нашим молитвам глухи.

Я хотел отыскать дорогу.
Свято верил: «Смогу найти».
Видно, было угодно Богу
пожелать мне удачи в пути.
Первый шаг я ступил несмело.
Лишь идущий осилит путь.
Счастья нет в достижение цели.
Я иду – только в этом суть!

10.06.96

Посмотри на себя

Посмотри на себя. Что ты видишь, скажи?!
Ты доволен собой? Только честно, без лжи?
Посчитай, сколько лет зря листал календарь.
Ты признайся себе. Что, не можешь? А жаль.

В отраженье твоём виден кто-то другой,
но ты слеп, как всегда, и стоишь, как немой.
Ты не свой, не чужой, ты не наш и не их...
Друг, побудь сам собой, хоть на миг, хоть на миг!

Поднимись над собой, посмотри с высоты.
Ничего нет смешней суеты, суеты...
Ты себя не найдёшь в паутине людской,
а отыщешь тогда, когда станешь собой.

Вот, пожалуй, и всё. Смысл жизни простой:
сбросьте маску с лица и побудьте собой.
Грим оставьте для тех, кому есть что скрывать.
Только мне в маскарад надоело играть.

Декабрь 1996

Мы правы все

Мы правы все, неправых просто нет:
у всех свой довод, веский, как свинец.
Мы всё сверяем по биению сердец:
что позволительно, а где лежит запрет.

Ну, что ж, Судьба, сегодня мой черёд
на правом фланге замыкать отряд!
Сегодня слева все покорные стоят.
Отныне смело я команду: «Вперёд!»

Я – направляющий, равнение на меня!
Эй, там, в толпе, отставить этот стон!
Я – фаворит, сегодня я – закон.
Теперь грехи все спишутся с меня.

Но что такое, кто-то там главней?
Хоть самый правый я, но правлю бал не я?!
Хотел бы знать я, кто же всё-таки судья?
Судья – Судьба моя, не мне тягаться с ней.

Приказ «Кругом!» разрезал тишину –
и в тот же миг я стал совсем не прав.
Я крайним левым стал: плевать мне на устав.
Теперь я лев – и я весь мир переверну!

24.08.97

Очередное вчера

Вот только что в небе родилась звезда –
и времени начался счёт.
Ответить попробуйте, где и когда
она завершит свой полёт?

Вот только что след оторвался от пят –
и памятью лёг на земле.
Идущие вслед предыдущего чтят,
но топчут следы его все.

Вот только что не было вовсе меня,
а был только мир за окном.
Вот только к струне прикоснулась рука –
и звуком наполнился дом.

Вот только что голос заставил дрожать
горящую каплю свечи –
и вот уже тень заплясала опять
свой танец в бессонной ночи.

Вот пламени блик заискрился в глазах,
движениям танца вторя, –
расплавленный воск, словно чья-то слеза,
сползает, надеюсь, не зря.

Сегодня – увы, это прошлого тень,
извечная жизни игра.
Закон в ней один – превращать этот день
в очередное вчера.

2003

Хочется

Хочется, хочется, хочется,
хочется больше успеть.
Хочется, хочется, хочется
меньше потом краснеть.
Знаю я: что ни захочется, –
вдруг перехочется.
Кончится, всё-таки, кончится
всё, что ни хочется.

Хочется, хочется, хочется,
хочется бросить хотеть.
Имя, фамилию, отчество
в памяти можно стереть.
Хочется жить, как захочется,
жить, словно песню петь.
Знать бы, ЧТО именно хочется,
чтоб уж не зря хотеть!

Хочется, хочется, хочется
многое знать и уметь.
Только б не знать одиночества
и предавать не сметь.
Хочется, многое хочется,
а много – не хочется.
Всё рассказать – обхохочешься,
милое общество.

Хочется, хочется, хочется,
хочется жить и любить.
Хочется, хочется, хочется
новые земли открыть.
Если действительно хочется,
значит – всё сбудется!
Камень водичкою точится –
капельки трудятся.

Хочется, хочется, хочется
прямо Судьбу спросить:
«Слушайте, Ваше Высочество,
тяжко в неведение жить.
Выдайте Ваше пророчество,
всё расскажите, как есть!
Да что-то Вас слушать не хочется.
Благодарю, Ваша Честь!»

1999

Школьный ветер

Школьный ветер из прошлых столетий
прилетел, обогнув шар земной.

Ученик на земле – каждый третий.

Если честно, то каждый второй.

Школьный ветер промчится кометой.

Десять лет, как один лишь урок.

И поют в унисон дуэтом

первый наш и последний звонок.

Школьный ветер, школьный ветер...

Первый наш и последний звонок.

Школьный ветер, школьный ветер...

Десять лет, как один лишь урок.

Школьный ветер – он всё-таки ветер!

Это сила, движенье, порыв...

Незаметно растут наши дети,

свои души для счастья открыв.

Ах, как долго мы мчались навстречу,

каждый школьник об этом мечтал!

И сегодня над всей планетой

выпускной кружится бал.

Школьный ветер, школьный ветер...

Каждый школьник об этом мечтал.

Школьный ветер, школьный ветер...

Выпускной кружится бал.

Школьный ветер наполнит рассветом

паруса наших утренних чувств.

Это – первой любви силуэты.

Я оставить их в сердце хочу!

Школьный ветер восторженно вертит

вперемешку с учёбою страсть...

Да такие кружит сюжеты –

ни сказать, ни пером описать!

Школьный ветер, школьный ветер...

Ни сказать, ни пером описать.

Школьный ветер, школьный ветер...

Вперемешку с учёбою страсть.

Школьный ветер. Счастливые лица.
Но учитель о чём-то грустит.
Часть души улетела, как птица,
и пока где-то рядом парит.

Но мы верим, что снова нас встретит
наша школа родная без слов.
Распахнёт свои двери вечер,
вечер встречи выпускников.

Школьный ветер, школьный ветер...

Вечер встречи выпускников.

Школьный ветер, школьный ветер...

Наша школа нас встретит без слов.

До свиданья! Прощай, школьный ветер,
ветер знаний, надежд и тревог.

Это – детства последнее лето.

Здравствуй, юности свежий поток!

Что ж, настала пора нам проститься –
даже ветер на время затих.

В добрый путь, выпускница!

В добрый путь, выпускник!

Школьный ветер, школьный ветер...

Даже ветер на время затих.

Школьный ветер, школьный ветер...

В добрый путь, выпускник!

Первоклашка

Короткие косички и два больших банта
ей мама аккуратно с любовью заплела.
Бабуля форму шила и гладила сама.
А младшая сестрёнка сказала: «Ну, дела!»

Припев:

Вы только посмотрите на эту красоту:
веснушки-конопушки и зуба нет во рту!
Вы только посмотрите: с цветами в ранний час
курносая девчонка шагает в первый класс.

Учителя улыбка, серебряный звонок
зовут всех первоклашек на первый их урок.
Дедуля улыбнулся – и вмиг помолодел,
а папа взял гитару и эту песню спел!

Припев.

Промчатся очень быстро школьные года.
Но этот день осенний запомнят навсегда
курносая девчонка и вся её родня.
Счастливее на свете мы не отыщем дня!

Припев.

Август 1992

Гимн сердца

Застыла секундная стрелка на наших часах –
такое бывает, когда подбирается страх, –
и медленно вспять повернула на наших глазах.
А я не во времени, время сегодня – мой враг.

А горы вздыхают,
как будто бы знают,
что мне приготовил мой враг.
Стоять на вершине?
Вернуться к любимым?
Остаться в седых снегах?
Душа замирает, но думаю, сделал всё так!
И сердце стучит в такт.

Спасибо за помощь и руку поддержки – друзьям,
но это надежды, а всё остальное – ты сам.
Поклон до земли моим самым заклятым врагам:
они научили ценить жизни временный храм.

Пусть лошади стонут –
за счастьем погоня.
Удача, видать, тоже там.
Ну, что же, вы, кони?
Когда же догоним
мы этих капризных дам?
Догоним – узнаем, что всё в этой гонке не так!
Хоть сердце стучит в такт.

Опять бесконечный лежит между нами простор.
Я жгу километры и метры швыряю в костёр.
Копыта чеканят по пыльной дороге узор.
Как выкрасть мне время? Увы, никудышный я вор!

Пространство и время –
ненужное бремя.
Я вырвусь из этих оков.
Я вычеркну даты,
а координаты –
ловушка для дураков.
Вхожу с каждой точкой
и с каждой секундой в контакт...
Пусть сердце стучит в такт!
Такт, такт, такт.

1998

Теберда

туристическая

А под горою Чёртовой – посёлок Теберда,
и прямо у шлагбаума турбаза есть одна.
Туристы все военные, здесь подполковник – мэр.
Турбаза именуется «МО СССР».

Туристы и туристочки одеты – «суперкласс»,
штанишки все подогнаны, ботинки «Адидас».
Картина очень милая. Но не смущает нас,
что вслед нам улыбается весь Северный Кавказ.

По склону поднимаемся, а пот ручьём течёт.
Кто горы эти строил – пусть чёрт того возьмёт!
У всех в мечтах Сухуми – там солнце и вода.
Спасибо за мозоли, родная Теберда.

Муху́ мы покорили и грозный Алибек,
и нам не позавидует сам снежный человек.
Домбай мы весь облазили и видели Эльбрус,
и перевал Клухорский я больше не боюсь!

Туристы мы отменные, и наш инструктор – ас,
ведь, как свои пять пальцев, он знает весь Кавказ.
Как жалко расставаться, но этот час настал.
Мы завтра, слава богу, штурмуем перевал!

Июнь 1990

Эхо тишины

Лениво в гору тянется канатка,
скрипят суставами уставшие троса...
Природа здесь – извечная загадка,
здесь вечерами отдыхают небеса.

Вершины здесь укутаны снегами,
ветрами сильными причёсан стройный лес...
Всю красоту не выразишь словами –
слова бессильны в описании чудес.

Седая вечность тут спрессована в мгновенья,
миг бытия растаял в облаках.
Здесь каждый вдох рождает вдохновенье,
а выдох каждый пусть теряется в горах.

Прижмись к скале, щекой потрогай камни,
частоты сердца настрой на пульс Земли.
Соприкоснись с немою бездной тайны –
она здесь рядом, а не где-нибудь вдали!

Искрится мысль от первобытного восторга,
хоть слышно только эхо тишины.
Как жаль, что здесь я очутился ненадолго!
Пусть эту сказку мои продолжают сны!

26.02.97

Дождь

Дождь стучит по крыше дома,
барабанит по стеклу,
шелестит по листьям клёна,
нарушает тишину.

Козырьки – домов ресницы
и витрин цветные лица
наконец смогли отмыться,
сбросив пыли пелену!

Дождик льётся неустанно
по бульжной мостовой.
Он души и сердца раны
лечит чистой водой.

Он смывает грим и краски,
макияж... И даже маски
обнажить себя согласны
под небесною росой!

Капли прыгают по лужам,
пузырятся тут и там
и сползают неуклюже
по распахнутым зонтам.

Намочив бока и спины,
проезжавшие машины
смыли грязь наполовину,
снизу грязь оставив нам.

Обновляется природа,
умывается Земля.
Льются слёзы с небосвода,
по душе моей скользят...

Я смотрю заворожённо
на природы облик сонный.
Моего дыханья волны
с этим дождиком – друзья.
Почему? – понять нельзя.

Осенний вальс

Ветер срывает последний наряд
с робко дрожащих берёз и осин.
Кружатся листья, упасть не спешат.
Вальс – золотой серпантин.

Тучки налились свинцовой слезой,
воздух прохладный прозрачен и чист.
Музыка листьев слышна под ногой.
Вальс – шелестящий солист.

Осень нахмурила брови слегка.
Осень – природы прощальный круиз.
Осень – контрастных мелодий река.
Вальс – семиструнный каприз.

Дремлет природа, укутавшись в плед,
сонно вздыхая в звенящей тиши.
В жёлто-багряных лоскутиках лес.
Вальс – живописец души.

Птицы опять потянулись на юг,
тщётно спасаясь от ритмов Земли.
Осень, тебя приглашаю я в круг!
Вальс – эхо первой любви.

Тёплая ночка и солнечный день –
редкие гости в осенний сезон.
Я погружаюсь, как облако, в тень.
Вальс – потрясающий сон!

Ивы в пруду, как огромные львы,
рыжие гривы купают лениво.
Я признаюсь тебе, Осень, в любви!
Вальс кружит только счастливых.

Октябрь 1997

Зимний эскиз

Ещё вчера кружился листопад,
играя красками в унылой суете.
Сегодня я совсем другому рад:
одной лишь белой акварели на холсте.
Страхнула пыль замёрзшая луна –
и та осыпалась серебряным дождём.
Земную грудь укрыла пелена.
Давай с тобой по снегу первому пройдем.
Ах, белый снег – несмелый поцелуй!
Ах, тонкий лёд – надежда первых чувств!
Ты на окне узор мне нарисуй.
Я у тебя, Зима, изяществу учусь...

Ещё вчера последние цветы
горели пламенем отчаянья в саду.
Осенних дней печальные черты
я никогда в сугробах не найду.
Горит закат над белой тишиной,
ложится спать красавица-земля...
Лохматый пёс общается с луной,
а ртутный столбик уползает от нуля.
О, холода – замёрзшая вода!
Ах, синева – небесная глазурь!
Застыли даже в небе облака,
и ничего пока не предвещает бурь.

Всю ночь шептал мохнатый снегопад,
он на фонарный столб напялил капюшон.
А чёрный кот который раз подряд
кому-то весело дорогу перешёл.
Надулись красными шарами снегири,
у них зимою – бархатный сезон.
А пацаны за час, держу пари,
соорудят из снега мощный бастион!
Ах, зимний сон – хрустальная мечта!
Ах, Новый год – начало всех начал!
Начнём его мы с чистого листа
да с серебристого морозного луча!

Луна

Луна – одна, в дорожной чёрной луже.
Она сама над нами молча кружит.
Но сколько мелких отражённых лун,
но сколько мелких отражённых лун
в росе.

Она – одна на всех.

Припев:

Луна, луна, луна
садится в тучу.
И уплывёт за горизонт.
Наверно, там сегодня лучше...

Луна – одна хозяйка тёмной ночи,
ночной фонарь среди мелких звёздных точек.
О, как заманчив обнажённый шар,
о, как заманчив обнажённый шар
луны
с обратной стороны!

Припев.

Её вина – в приливах и отливах:
судьбы волна качает нас игриво.
Как бесконечно далека и холодна,
как бесконечно далека и холодна
луна!
Но власть её сильна.

Припев.

Январь, 1998

Цыганка-осень

Цыганка-осень наряд свой сбросит
и закружит безумный пируэт...
Заворожит... Исчезнет в поздних росах
неуловимый женский силуэт.

Пасьянс осенний разложит осень –
листок к листку – березу, клён, каштан...
Под настроенье вдруг листву подбросит
бродяга-ветер – верный друг цыган.

Листок кленовый – мой туз трефовый,
ложится в масть на шёлковый ковёр.
Листок берёзы – мой бубновый козырь,
моей судьбы запутанный узор.

Тебя я встречу в червовый вечер.
Закатный луч седлает лошадей...
Цыганки очи пиковой ночью
пророчат взрыв безудержных страстей.

Костёр в степи горчит разлукой.
Шатёр затих: ложится табор спать.
Но ты не спи! Любовь войдёт без стука.
Когда? – Никто не может предсказать.

1999

Танго с незнакомкой

Чуть богемная, неземная чуть –
незнакомка из времени прошлого.
Ты явилась незвано, непрошено –
и боюсь, мне теперь не уснуть.

Припев:

Я обожаю Вас, дама в вуали!
Неужели всё это лишь видится мне?
О, Ma chere, как наивно шептали
мне уста ваше первое «нет»...

Ночь прозрачная – чудо вечное.
Звёзды, словно вуаль на лике небес.
Очарован я, околдован весь
серебром Пути Млечного!

Припев.

Верил я в твоё возвращение.
Ты была далека, не достать рукой,
но отныне мы так близки с тобой!
Ты мой вдох, ты моё вдохновение.

Припев.

1996

Бархатный месяц любви

Первую встречу с тобой,
первый с тобой поцелуй,
первую ночь под луной
я, как молитву, пою.

Припев:

Тёплая летняя ночь,
шёпот бескрайних равнин.
Ночь эта – августа дочь,
а звездопад – его сын.
Робкие губы твои
я в первый раз целовал...
Бархатный месяц любви
я наливаю в бокал.

Месяц-разлучник сентябрь
пуст, как опавший каштан.
Пусть он продолжит хотя бы
в письмах наш летний роман.

Припев:

Тёплая летняя ночь,
шёпот бескрайних равнин.
Ночь эта – августа дочь,
а звездопад – его сын.
Влажные губы твои
ночь напролёт целовал...
Бархатный месяц любви
нашею свадьбою стал.

Даже морозные дни
крепкого зимнего сна,
даже дыханье весны –
нет, не заменят тебя!

Припев:

Тёплая летняя ночь,
шёпот бескрайних равнин.
Ночь эта – августа дочь,
а звездопад – его сын.
Страстные губы твои
ночь напролёт целовал...
Бархатный месяц любви
нашей реликвией стал.

29.08.98

Апельсиновый блюз

Что-то в небе не так: загрустил земной шар,
поливают дожди, раскисает душа.
Настроенье в плену парафиновых туч,
но растопит его апельсиновый луч!

Припев:

Словно с неба звезду, словно с поля цветов,
я в ладонь уложу этот звёздный поток!
Апельсиновый луч, апельсиновый блюз,
нашей встречи с тобой апельсиновый вкус...

Неизвестный оркестр созвездия Муз
исполняет для нас апельсиновый блюз.
Сонный шёпот планет, звучанье гитар,
апельсиновый блюз – акустический шарм.

Припев.

Он бенгальским огнём заискрится в глазах
и задержит свой вдох на алых губах.
Чуть коснётся волос и заблудится в них...
Как хотел бы я стать им хотя бы на миг!

Припев.

2003

Времена любви

Бусинки белых рос
в мятых туманах спят.
Россыпи лунных слёз
в сонной душе скользят...
Утро – вечности тонкий срез,
будто речки молочной всплеск.
Утром ты разбуди меня!
Хочется почему-то
день начинать с тебя.

Лето впорхнуло в дом
сочными бликами,
бабушкиным пирогом,
сладкой клубникою.
Лето – детство безбрежное.
Это – юность мятежная,
это – страсть непокорная.
В пластике тел раздетых –
власть рок-энд-рольная...

Бегло дождит сентябрь
пальчиками по стеклу.
Я у рояля сяду –
дождь подберу на слух.
Осень... В небе янтарный лист
вовсе падать не хочет вниз.
Осень – танго неровный шаг...
Близости сердце просит,
сходит с ума душа...

Иней на ветках спит,
скучно висит луна,
скован морозом ритм –
пауза, тишина...
Вечер скроет узор морщин,
свечи плавят снега седин.
Вечер – сентиментальный блюз...
В музыке бесконечно
крюжится: «я люблю».

Моя

Моя в тебе таится гениальность,
моя в тебе пульсирует вина.
В тебе – моя ранимая тональность,
в тебе – моя натянута струна.

Моя в тебе предутренняя нежность,
моя в тебе мальчишеская страсть.
В тебе – моя почти что неизбежность,
в тебе – моя пленительная власть.

Моя в тебе надуманная сложность,
моя в тебе святая простота.
В тебе моя кипит неутомность,
в тебе – моя сакральная мечта.

Моё в тебе насквозь проникновенье,
моё в тебе на цыпочках «чуть-чуть...»
В тебе – моё сердечное биенье,
в тебе – моё банальное «хочу».

Моё в тебе несказанное слово,
моя в тебе нечаянная грусть.
В тебе – мой эликсир всего святого,
в тебе – моих грехов невнятный вкус.

Моя в тебе неожиданная зарница,
моя в тебе отрада, боль моя.
В тебе мой стих парит свободной птицей.
В тебе, моя любимая, – весь я.

Июнь 2010

Татьянин вальс

Моя любовь из прошлой дали
пришла из пушкинской весны.
Но мои чувства крепко спали,
им снились розовые сны.
Меня ты нежно разбудила,
сказала тихо: «Я пришла».
Твоя улыбка покорила,
а доброта твоя взяла.

Татьяна, милая Татьяна,
твоей любовью столько лет я пьяный!
Вино любви мне не испить до дна,
моя любимая, мой друг, моя жена...

Через огонь и через годы
любовь в сердцах мы пронесли.
Менялся мир, менялась мода,
а мы всё шли с тобою, шли.
Судьба порой нас разлучала,
но ангел твой хранил меня.
Твоя звезда моею стала –
и выходил я из огня.

Татьяна, милая Татьяна,
твоей любовью столько лет я пьяный.
Вино любви мне не испить до дна,
моя любимая, мой друг, моя жена...

Твой поцелуй, как бархат лета,
твоя душа – зимы кристалл.
Ну, как не станешь тут поэтом?!
Я всё, что видел, написал.
Твой голос – нежный колокольчик,
твой взгляд – зелёный изумруд,
твой запах, как осенний дождик,
твоё сердечко тук, тук, тук...

Татьяна, милая Татьяна,
твоей любовью столько лет я пьяный.
Вино любви мне не испить до дна,
моя любимая, мой друг, моя жена...

Московский блюз под дождём

Вечерняя Москва целуется с дождём,
выплёскивая чувства в кляксы луж.
Огромный город – миллионы душ...
Плюс две души под маленьким зонтом.

Безлюдным стал бульвар и опустевшим сквер
обычно оживлённым вечерком...
Лишь мы одни остались под зонтом
в дождями зацелованной Москве.

Прижмись ко мне скорей, промокшая моя!
Ах, милая, как пахнешь ты дождём!
Мы поцелуй наш первый украдём,
и пусть простит нас сонная Москва...

Ушёл неслышно дождь на цыпочках в рассвет –
и кажется, что это был лишь сон.
И поцелуй наш первый под зонтом
приснился нам, а, может быть, Москве.

2010

Кимоно

Подарил я жене кимоно –
как жар-птица, сияет оно.
И сидит она, вся в кимоне,
и не смотрит теперь на мене.

Припев:

Кимоно, ох, кимоно!
Надевай – и снимайся в кино.
Кимоно, ох, кимоно!
На фига мне такое оно?

То ли солнышко сияет в окне,
то ли милая моя в кимоне?..
Со мной рядом идёт чуть шурша.
До чего же она хороша!

Припев.

И не может представить жена,
как жила она без кимона.
Только я вам поклясться готов
не дарить больше ей кимонов!

Припев.

Подарил я жене камуфляж –
и совсем её щас не узнашь.
Ведь она каждый день, каждый час
от моих маскируется глаз.

Припев:

Камуфляж, ох, камуфляж!
Надевай хоть в гараж, хоть на пляж.
Камуфляж, ох, камуфляж!
Хошь – ходи, хошь – сиди, хошь – приляжь.

Про Это

Действующие лица:

Кто-то — некто;

Это — что-то;

То-сё — ни то ни сё.

Когда-то Кто-то где-то
бродил по белу свету,
весёлые куплеты напевал.
И было в тех куплетах
про то, про сё, про Это...
То, сё — я не расслышал,
а Это услышал.

Значь, так:
когда-то Кто-то где-то
проделал первым Это.
И никому про Это не сказал.
И думал Кто-то этим,
что скроет всё на свете,
но был другой, кто Это увидал.

Кому же неохота
(кабы не вышло что-то)
кому-то на Кого-то настучать?
И вот про всё про Это
узнала вся планета.
И как теперь всё Это называть?

И вот однажды летом
столкнулись тот и этот,
и начался душевный разговор.
— Ну что ты, как ты, где ты,
как то, как сё, как Это?
Вот именно про Это
и начался сыр-бор.

— Ты кто такой вообще-то,
и что ты смыслишь в Этом,
что можешь так об этом говорить?
— А ты-то сам-то кто-то? —
другой ответил с лёту, —
весь мир меня за это
должон благодарить!

От этого сюжета
недолго стать с приветом:
то то, то сё, то Это — кувырком...
Поэтому поэтам
непросто в мире этом,
и думаю, не легче в мире том!
О чём я пел куплеты,
о чём вся песня эта,
боюсь, я окончательно забыл.
Так что это за Это? —
осталось без ответа,
хоть кто-то

где-то
что-то
кому-то
про кого-то
зачем-то
и о чём-то
говорил.

2004

Шопинг по-дамски

1

В магазине «Гранд Европа»
совершала дама шопинг.
Под наличную фигурку
подбирала дама сумку.
Первым делом приценилась
и лицом преобразилась:
округлилась, удивилась,
но, похоже, примирилась!

2

А без сумки наша дама –
что компьютер без программы,
что Тибет без Далай-Ламы.
Харе Кришна, Харе Рама.
Это – свадьба без невесты.
«Три-четыре» – бег на месте.
Это – булочка без теста
и Непал без Эвереста.

3

Подбирала: по расцветке,
по дизайну этикетки,
по заклёпкам на жилетке
в форме маленькой монетки.
И под шарф, и под беретку –
дар залётного поэта,
под длину своих ресниц,
и под форму ягодиц.

4

Под пальтишко из болоньи,
под рисунок на ладонях
и под шпильки на сапожках,
обольстительные ножки.
Под гранатовый браслетик,
что пропал куда-то летом,
но с надеждою на то,
что отыщется потом.

5

Под перчатки, что из лайки,
под разрез на синей майке,
под серёжки в серебре,
под веснушки на бедре!
Под ошейник пекинеса,
что продал Семён-повеса –
житель города Одессы
и мужчинка интересный!

6

Под фуражку капитана,
что осталась утром рано,
на разложенном диване,
как свидетельство nirваны.
А ведь первый раз на даче
был не очень-то удачен,
потому, что лунной ночью
он хотел, она – не очень...

7

Под свисток на красной нитке,
что забыл гаишник Витька –
школьный друг соседки Верки,
тоже милиционерки.
Под тельняшку, под которой
грудь качалась шлюпкой в море...
Волны этих акваторий
гнал рукою мичман Жорик.

8

Под сиреневые тени,
что оставил кум Евгений,
под малиновую брошку
от второго мужа Лёшки.
Под ажурную булавку –
очень сладко вспомнить Славку –
и под глазки цвета неба,
соблазнившие соседа.

9

Под интимную прикрасу,
что на шее без согласия
ей оставил в пятом классе
одноклассник брата Васи.
Под приталенные брючки –
те, которые с «толкучки»,
по червонцу за три штучки,
были куплены с получки.

10

Под кулончик с аметистом –
благодарность гитариста,
что владел гитарой смело
так, что дама онемела.
Под цепочку золотую,
под помаду никакую...
Перебрала все вчистую,
остальное – по фэншую.

11

Наконец, она купила
сумку из того, что плыло
в мутно-жёлтых водах Нила
и звалось крокодилкой.
Но покупка удивила
даже кожу крокодила,
потому, что сумка даме
ни фига не подходила!

Но это её совсем не смутило,
и женскую логику дама включила.
Решила: всё заново нужно начать
и вещи под сумку теперь подобрать –
пальтишко, перчатки, жилетку, сапожки,
тельняшку и майку, колготки, серёжки,
браслетик, ошейник, булавку и брошку,
цепочку, фуражку, помаду и... точка!

Октябрь 2011

Давай с тобой займёмся джазом

Я был сражён твоей случайной нотой:
ты пела джаз... О, это что-то!
Раздел тебя... пока что взглядом,
и понял я: мы будем рядом!

Прижмусь к тебе я тёмной ночью,
всё будет так, как ты захочешь!
Иди ко мне, моя зараза,
давай с тобой займёмся джазом!!!

Моя рука тебя ласкает,
душа поёт, а сердце тает.
Возьму тебя в порыве страсти...
Тобой владеть... какое счастье!

Я без тебя, увы, немного стою.
Ты ж без меня – доска доскою.
А вместе мы – какая пара!
Моя душа,
моя любовь,
да просто моя, чёрт возьми,
моя гитара!

2010

Джон

Моей собаке таксе

Как-то летним, тёплым утром неожиданно возник
очень милый и проворный лопоухий озорник.
Он кусучий и гавкучий, он смешной, как рыжий слон!
А зовут его Иваном, по-английски просто Джон.
Гав-гав, гав-гав, гав-гав.

Ему надо всех облаять, всё обнюхать и узнать.
Утащить носок и тапок, а потом улечься спать.
От него все убегают: «Джон, смотри, не укуси!»
Его дома называют: «Наше с хвостиком такси».
Гав-гав, гав-гав, гав-гав.

Очень любит он попрыгать и поморщить любит лоб.
Он бежит аллюром, рысью с переходом на галоп...
Его уши бьют по шее, хвост по попе бьёт кнутом –
и несётся наш охотник, только пыль стоит столбом!
Гав-гав, гав-гав, гав-гав.

Чётко Джон идёт по следу: Джон охотится на лис.
Нет в лесу страшнее зверя. Эй, лисичка, берегись!
Вот нора. Держись, плутовка, не спасёшь
свой рыжий хвост!
Будет шапка у хозяйки, а у Джона будет кость.
Гав-гав, гав-гав, гав-гав.

Охраняет он квартиру, бережёт наш мирный сон.
Отдыхают все соседи, если спит малютка Джон.
Улыбнуться есть причина. Посмотрите: это он!
Джон – порядочный мужчина, лопоухий мальчик Джон!
Гав-гав, гав-гав, гав-гав.

Август 1993

Сиреневый шарф

Шёл Дождь в сиреневом шарфе,
он был как будто подшофе.
Вчера свела его с ума
улыбка в летнем платъице, в коротеньком весьма.
Девчонка симпатичная
с огромными ресничками
с балкона улыбнулась –
и замер этот мир!
А Дождь веснушки юные
купал росой жемчужною
и что-то ей нашёптывал
губами мокрыми.

Цвёл май, дышал прохладой день.
Ах, как невестилась сирень...
Ожил небесный контрабас –
на крыши и карнизы нахально хлынул джаз.
Дрожало всеми струнами
девчонки тело юное...
Душа его дождливая
плескалась через край...
И вместе с ними радуясь,
плясала в небе радуга,
да так, что подтанцовывал
им старенький трамвай.

Да, Дождь сегодня был чудной,
весь день плясал по мостовой.
Он смело на закате дня
девчонку ту за талию нечаянно обнял.
И прятались отчаянно
прохожие случайные
под козырьки подъездов,
восторженно следя,
как от Дождя не пряталась
девчонка в летнем платъице,
ладони подставляя под поцелуй Дождя.

Мне двадцать пять

Мне двадцать пять –
снова день рожденья встречать!
И мои года – не беда!
Я не знаю «нет» – только «да»,
ведь мне двадцать пять!

Очень легко
сдвинуть я могу шар земной
и перевернуть небосвод,
и коснуться солнца рукой –
очень легко!

Мне двадцать пять –
бешено мотор мой стучит,
помыслы мои горячи,
и моя гитара звучит,
ведь мне двадцать пять!

Солнце моё
светит высоко-высоко
прямо из небесной души.
И за горизонт не спешит
солнце моё!

Мне двадцать пять –
только начинается жизнь!
Что угодно можно успеть,
если только очень хотеть,
ведь мне двадцать пять!

Взрослая дочь –
как же быстро дети растут!
Вот уже и ей двадцать пять!
Как же это можно понять,
ведь мне двадцать пять?!

Октябрь 2011

ШОРТЫ
ЛЕТЕЛА МУХА

Почему «шорты»?

Что такое шорты, понятно всем – короткие штаны. Это слово – чистая калька с английского «short» (короткий). Сейчас всё большую популярность обретают так называемые «short story» – короткие рассказы. Но меня это название не устраивает, поскольку в моём случае это не рассказ, а просто улыбка, удивление, восхищение или даже абсурдинка, словесная фотовспышка. Причём такая короткая, что даже короче шорт... но не называть же её бикини...
Итак – шорты.

* * *

Стоял столб.
Долго стоял.
Устал.
Захотел присесть – никак.
Захотел прилечь – никак.
– Столбняк что ли?

* * *

а

Шёл человек (топ-топ),
глядь – дверь (ага).
Приоткрыл (скрип),
сунул голову (блым-блым),
принюхался (нюх-нюх):
– Ух ты, борщ!
Юрк внутрь.
Хлюп-хлюп – съел.
Вкусно (Мр-р-р).
Кхе-кхе – в кулачок.
Зырк по сторонам – ничего нет.
Хм... Жаль.

б

В кастрюле томился борщ (Мр-р-р),
скрипнула дверь (скрип),
сверкнули глаза (блым-блым).
Кто-то вошёл (топ-топ),
влил в себя борщ (буль-буль).
Ой, как здесь темно!
И это всё? А смысл?
Жаль.

* * *

а

Между столбами висел провод.
Расслабился.
Прилетела ворона, села.
Провод напрягся.
Так и есть – обгадила.
Каркнула и улетела.

б

Летела ворона. Глядь – провод.
Села.
Провод напрягся.
Ворона расслабилась.
Каркнула и улетела.

* * *

Летела муха. Бац – стекло.
Шлёп – на карниз.
В голове – бррр.
Очухалась – ух.
– Понастроили, уроды!

* * *

Было темно, светил фонарь.
Темноты было больше, а фонаря меньше.
Но он не сдавался – светил.
Отважный!

* * *

Вышел Зряка на зарю позрякать.
Зряк – а заря не зрякается.
Эх, зря выходил!

* * *

Началось...

С утра он дохнул в лицо перегаром – скотина!

Полчаса повторял цифры – идиот!

Наконец запел. Как же! – давно не слышали!

Каждый день – одно и то же!

Ужас!

(Из дневника микрофона)

* * *

Птенца спросили:

– Тебя как звать?

– Зябыл.

Хорошо, будешь Зябликом!

Пони спросили:

– Ты поняла, почему зяблика так прозвали?

– Не поняла.

– Значит, будешь Непоня.

– Не хочу быть Непоней!

– Ладно, тогда будешь Поней.

Светофоры

Светофор дальтоника

Красный – сверху.

Жёлтый – в центре.

Зелёный – снизу.

Юридический светофор

Красный – сидеть!

Жёлтый – условно.

Зелёный – амнистия.

Детский светофор

Красный – низя!

Жёлтый – попозже.

Зелёный – подрастёшь - поймёшь.

Мужской светофор

Красный – семья.

Жёлтый – работа.

Зелёный – курорт (командировка).

Женский светофор

Красный – мисс.

Жёлтый – миссис.

Зелёный – б...дь.

Политический светофор

Красный – коммунисты.

Жёлтый – китайские коммунисты.

Зелёный – исламские террористы.

Морской светофор

Красный – буй.

Жёлтый – маяк.

Зелёный – земля!

Светофор «мажора»

Красный – вперёд!

Жёлтый – вперёд!

Зелёный – вперёд!

ЭССЕ

Я ВЕРНУЛСЯ

Мама, я вернусь...

– Мама, я вернусь, обязательно вернусь...

Он верил, что вернётся. Не мог не верить.
Уходя, надо всегда верить в возвращение.
Мать тайком перекрестила его, беззвучно причитая:
«Господи! Спаси и сохрани! Господи!»
Теперь только одно – ждать.
Что ещё может сделать мать для сына-солдата? Что?
Просить командира не посылать сына в бой?
Или умолять врага не стрелять в сына?
Пусть другой?
Пусть в другого?

– Мама, я вернусь, обяза...
«Прости, что не смог сдержать слово, – война...
Её законы оказались сильнее моей клятвы
и твоих молитв».

И много солдат было...
И поползла змеёй по стране
шипящая и леденящая душу весть –
«Извещение о смерти».
И раскрыла свою чёрную пасть бездна пустоты –
«Пропал без вести».
И вознёсся к небу материнский вопль:
– Сынок!
И, не найдя пристанища, улетел этот крик
вслед за журавлями в синюю даль мира.
Мира, где нет войны.

– Мама, я вернусь...
Две даты, с разницей в двадцать лет и...
незабудки, синие, как небо.

Возвращение с войны

Что значит вернуться с войны?

– Выйти из-под обстрела?

– Переместиться на «невоюющую» территорию?

Да, но... нет.

Всё. Войне конец.

Моей войне конец.

За моей спиной Афган, передо мной – необъятная Родина. Казалось бы, холодок опасности позади – войны действительно нет, но... что-то ещё держит, крепко держит. Значит, ещё не вернулся...

С моей войны.

Три дня спустя, поздно ночью я стоял у порога своего дома. Позвонил.

Дверь – последняя грань между войной и миром – распахнулась.

Тёплая, домашняя, любимая, в тельняшке с закатанными рукавами – Она.

Пропылённый, пропахший запахом войны и чужой страны, – Я.

Встречный порыв на вдохе. Объятие – до боли в суставах. ЯиОна – слитно.

Слова...? Какие слова, когда – сквозное проникновение...

На изломах судьбы понимание мгновенно, без слов.

И лишь дыхания: частые вразнобой – глубиной в Любовь.

Двадцать самых счастливых минут жизни!

Силюсь припомнить свои мысли в тот миг, но нет, не могу – кажется – их просто не было.

Мозг отключился, спасаясь от перенапряжения.

Лёд войны медленно оттаял, и тяжесть, сдавливающая душу и тело, отступила, отлегла.

Я вернулся в мир своих ожиданий.

Я вернулся в мир своих.

Я вернулся.

P. S.

Когда Она впервые услышала эти строки, сказала, что Я вернулся гораздо позже.

Ей видней.

Мой Афган

Война в Афганистане – моя война. Это не моё желание, но мой выбор. Её можно было избежать, но пришлось бы ломать через колено самого себя.

Мой Афган – это память, от которой никуда не деться. Она всегда со мной и мне не подвластна. Когда хочет, тогда и высвечивает немые картинки прошлого, навязчивые, как сон: хочешь не хочешь – смотри.

Мой Афган – это горечь утрат, это мир сквозь прицел и оценка людей по вопросу: «я бы пошёл с ним в разведку?» Но вместе с тем – это и благодарность за личностное взросление.

Отец, мать, любимая женщина, которая ждала меня с двумя совсем маленькими дочерьми, – это тоже мой Афган. И наконец, это мои мысли и чувства, память и эмоции, положенные на песни. В них – низкочастотный колокольный звон, стон из прошлого и крик в будущее.

Песни писались в перерывах между боями: неожиданно, дерзко и смело, порой даже для самого автора. Зачем? для кого? и какова причина – трудно сказать. Может быть, хотелось успеть зарифмовать тот нечеловеческий надрыв, который писали своими судьбами солдаты и офицеры? И осмелиться сказать правду о войне в насквозь лживое время? Ведь сказать правду бывает трудней, чем совершить подвиг.

Песни об Афганской войне оказались живучими именно потому, что были и остаются правдивыми. И именно поэтому уже столько лет они звучат в наших сердцах, тревожат наши души, кристаллизуют дух и очищают сознание. Они стали нужны, как воздух. Без них сбивается пульс жизни: исторической, человеческой и даже биологической.

Всё это – мой Афган...

История одного посвящения

Посвящение лейтенанту Алексею Трофимову

*...Я за него теперь живу на свете.
Кто был в Афгане, тот меня поймёт.
Песня «Восьмое декабря»*

История этой песни начинается Его последним днём и продолжается во всей моей жизни.

Его жизнь оборвалась 8 декабря 1987 года в Афганистане на отметке 22-х лет.

Смерть освободила место для следующего.

Следующим стал я.

Я попал в Его жизнь, вернее, в тень его погасшей жизни. Теперь она длится во мне. Его место – место командира группы спецназ – стало моим. В оперативно-тактическом смысле этим местом была огромная территория, в несколько тысяч квадратных километров, очерченная зоной действия батальона. В бытовом – это место ограничивалось размерами Его кровати, которая так и осталась нетронутой, аккуратно заправленной, и ставшей, по сути, Ему памятником.

Почему-то я сразу для себя решил быть с этим взводом до конца и постараться уберечь его от потерь. По этой же причине чуть позже отказался от повышения по службе. Мой отказ удивил комбата. Он меня не понял, да и правильно: мотивация была невнятной и несурзадной... Офицерская карьера – это нормально. Ради неё жертвуют многим. Я же, как ненормальный, жертвовал карьерой – наивный мальчишка, сентиментальный дурак...

В Афганистане новеньких встречали настороженно. Подчинённые – с тревогой, ведь их жизнь теперь передавалась в другие руки, кто знает, какие? Во взглядах исподлобья читалось: «Ну-ну, поглядим, что ты за птица!»

Смотрины устраивал противник. В бою. Ты, как невеста на сватанье, из кожи лезешь, чтобы понравиться жениху и, подобно жениху, рвёшь на груди сорочку, чтобы произвести впечатление на сватов.

Оценивались, по сути, две вещи: насколько ты смел и умел. И то, и другое ценилось очень высоко. Без первого умение становилось ненужным приобретением. Без второго смелость становилась безрассудной бравадой. Но, если неумелость всё же иногда прощалась, то трусость – никогда.

В перерывах между смотрами неожиданно для самого себя написал песню, первую в моей жизни. Зачем написал, и как это произошло – не знаю. Написал и всё. Почему вообще пишутся стихи, песни? Кто-нибудь знает?

Причина творчества – ты сам. Пишешь потому, что не можешь не писать. Поэзия своим словом, рифмой, магией заговаривает боль; музыка своей мелодией, гармонией, ритмом снимает нагар с обожжённых душ. Переживая вместе с песней былые потрясения, странным образом исцеляешься. Песня на войне – это лекарство, точнее – анестезия, временное обезболивание.

Мне не стыдно за огрехи своего первого творческого опыта – он дорог мне своей чистотой и обнажённостью. Поэтому вот уже столько лет я пою эту песню так же, как спел впервые. Хотя первый раз стал комом, причём буквальным комом, застрявшим в горле...

Совершенно не помню, как песня рождалась, но не с лёту, это точно. Помню, что когда она уже была готова, я записал её на магнитофон и уже потом решил показать всем.

– Мужики, я написал песню, – обратился я к собравшимся в палатке офицерам, – посвящённую Алексею. Но, взяв на гитаре первый аккорд, понял, что петь не могу. Не могу и всё. Внутри всё высохло. Тогда я включил запись и стал слушателем, наравне со всеми.

Магнитофон справился со своей задачей лучше меня, хладнокровно воспроизведя мой голос, гитару и чувства, записанные несколькими часами раньше.

Потом была долгая пауза, которую никто не решался нарушить. Все вновь пережили тот бой. В глазах блеснули слёзы.

Взгляд...

Я хорошо запомнил этот взгляд. Лица разные, а взгляд – один, как под копырку. Будто его выдавали после боя,

как сухпаёк: «Воевал? Получай. Распишись». Потом я снова и снова встречал этот взгляд на знакомых и незнакомых, во время войны и долго после... Лица менялись, мелькали, а взгляд, как 25-й кадр, высвечивался в мониторах подсознания. Его ни с чем не спутаешь. Эту печать война щедро ставила всем, кто хоть однажды видел её настоящее лицо...

Кто-то произнес: «Хорошая песня».

P. S. 15 февраля 1989 года мой взвод в составе последней колонны 40-й Армии вышел из Афганистана.
Без потерь.

2009

Векторы войны

Векторы любой войны чертят политики. Спустя годы их будут сканировать историки. И необходима пауза протяжённостью в несколько поколений, чтобы прошлые события очистились от политической шелухи и стали правдой, исторической правдой.

История афганской войны ещё не дописана. Но одно поколение уже выросло – и самое время поразмышлять, поставить нужные акценты и знаки пунктуации. Меня, как участника тех событий, не жгут по ночам мысли, не терзает чувство вины за то, что я был проводником и исполнителем чьих-то праведных или не очень праведных идей. Может, и должны жечь, но нет, не жгут. Вот не жгут и всё. И уже почти не царапают душу осколки прошлых разрывов мин и снарядов – спасибо, времечко постаралось. Осталось только ощущение некой непонятной, до конца неосознанной вины перед павшими. Это, да, есть.

Но самое обидное и, пожалуй, самое главное – то, что до сих пор открытой раной осталось чувство отторжения тебя отечеством, чьи приказы ты так честно выполнял.

Пока мы были на чужбине, мы всем своим существом тянулись домой. Провинциальный городок, панельная пятиэтажка, второй подъезд, окно во двор и в нём – мама, зовущая тебя домой. Почему-то раньше всё это было мелким и незначительным, а сейчас вдруг обрело ценность, стало важным и ты понимаешь, что это и есть родина.

Она была нашей путеводной звездой. И в бесконечных ночных засадах мы мечтали вернуться в любимый город, зайти в свой подъезд и вспомнить, нет ощутить... ощутить ожог первого поцелуя... Но для этого надо вернуться, обязательно вернуться, с орденом ли, медалью, покорить сердца девчонок, всех, всех девчонок, ну, а дальше... дальше было непонятно, да и неважно – главное-то вернуться!

И вот теперь, много лет спустя, тянет назад, в Афган. Странно как-то. Почему так происходит? Ну, в самом

деле, почему? Что же там, на войне, было такое, чего не хватает здесь или вовсе отсутствует? Не думаю, что это игра со смертью так влечёт нас к себе. Ведь следующей партии может не быть: сейчас-то ты это уже понимаешь. Нет, здесь что-то не так, что-то другое. По жёстким правилам игры проигравшие выбывают. Навсегда выбывают. И раз эта игра командная, то и судьба всех игроков команды была твоей судьбой. Стоп. Вот – команда! Точно! Хочется увидеть свой взвод, свою роту, свой батальон... Причём не просто встретиться и попить водки, хотя это тоже необходимо. Но сегодня-то мы уже все другие, да и собраться в полном составе уже невозможно.

А хочется погрузиться именно в тот водоворот событий и заново пережить тот ослепляющий пунктир времени, который так жирно подчеркнул нашу молодость или поставил знаки пробела во всей повести о нашей жизни. А поскольку играли-то мы по-настоящему, то и отношения у нас были настоящие, стоящие, дорого стоящие... Не случайно ведь мы друг друга называли «брат», «братишка». Не случайно. Да всё там было по-настоящему, всё. И жизнь, и смерть. И, наверное, благодаря близости смерти наша жизнь наполнялась, как сосуд – до краёв – какой-то правдой, истиной, тайной, непонятной там и недоступной здесь.

И очень жаль, что это настоящее осталось в прошлом.

2007

Разведка выбрала тебя

Судьба разведчика – это бесшумный ночной полёт летучей мыши, невидимый для стороннего наблюдателя. Это полёт мысли и действий, это искусство охотника, следопыта. Это не работа от звонка до звонка с перерывом на обед. Это вообще не работа в расхожем смысле слова, это – погружение с головой в безграничность долга, это отказ от своего я. И, если честно, это чужая жизнь.

Всё подчинено её Величеству Разведке. Всё, без остатка. Да, есть ещё семья, дети, общественная деятельность... но зачастую – это декорация, антураж, прикрытие.

И всегда – неизвестность.

И всегда невидимость результатов. Потому что никогда не знаешь свою роль в многоходовой стратегии замысла. Просто честно делаешь свой ход. Профессионально и хладнокровно.

И тогда – сдержанная мужская благодарность, крепкое пожатие руки и... награды, в закрытых указах.

И забвение.

Заслуженное, незаслуженное – таковы правила игры. Выбрав в бурной молодости эту стезю, вдруг осознаешь, что выбирал не ты, а тебя.

Пусть так. Разведка выбрала тебя. Гордись и будь достоин. Принадлежность к тайне всегда влекла умные головы и сильные характеры. Кто в детстве и юности не мечтал быть разведчиком? Рискуя жизнью, в тылу врага выполнять опасные задания, переснимать секретные документы, уходить от погони, искусно драться, навскидку стрелять... И не терять самообладания, даже когда тебя ведут на расстрел...

И один в поле воин. И этот один – ты.

Сейчас об этом вспоминаешь с улыбкой. Но не жалеешь ни о чём. И тебе не стыдно ни за наивную юность, ни за практичную зрелость.

Всем этим гордишься и об этом не трезвонишь, даже уйдя в запас, даже когда снят гриф секретности.

Таков стиль жизни.

Выдерживаешь его до конца, ведь ты – разведчик.

Первый бой

*Поле, поле, поле,
Белым, белым полем дым.
Волос был чернее смолы –
стал седым.*

А. Розенбаум «Вещая судьба»

Голос Розенбаума из пыльного «панасоника» пытался перекрыть надрывный шум двигателя БТР-а. Силы были неравные, но песня каким-то образом поступала в мозг, и я, помогая Розенбауму, пел азартно, смакуя согласные в конце слов.

Поле, поле, поле...

Был январь 88-го. Если точнее – 19-е число. Кругом лежал снег.

Белым, белым полем...

– как по писаному.

Батальонная колонна змей ползла к месту дислокации. Мы возвращались с операции. Результат впечатлял – масса трофеев... и ни единого выстрела. Классика. Это не первый мой боевой выход, но результат – первый.

В который раз меня беспокоили две мысли: «это и есть война?» и «мне страшно?» Мы не властны над своими мыслями. Как они возникают, и кто их нам подбрасывает – это уже мой вопрос к жизни, и он пока без ответа. Но именно эти две мысли с удивительной настойчивостью появлялись во мне: «война?», «страшно?» А как узнать, не столкнувшись лицом к лицу? Здесь как с любовью: тысячу раз слышал, читал, смотрел кино, а коснётся тебя – всё впервые. И, как лёд за шиворот, догадка: а вдруг война красивая? Вдруг влюблюсь?

Годы летят, а память всё крутит хронику: бежишь, падаешь, стреляешь, оцениваешь обстановку, отдаёшь команды, материшься, молишься, хоть и атеист... Мозг сжат железными тисками ответственности; напряжение зашкаливает, не оставляя места для сомнений. Первая пришедшая в голову мысль – всплеск чистой интуиции. Работают только подсознание и инстинкты. Мозг тут совершенно ни при чём: его задача – зафиксировать

мысль и подключить волю. Даже когда есть время на анализ ситуации, вдруг обнаруживаешь, что возвращаешься к первой мысли.

Задаёшь себе один и тот же вопрос: «Что делать? Что?» Ты – командир. От тебя ждут команды, единственно правильной... А тут в который раз: «страшно?» – как тест на вшивость. Чёрт его знает: страшно, не страшно? Кому отвечать?

Молодость всегда рвётся в бой. Этим, как краснухой в детстве, переболели почти все. Поначалу, вопреки главной логике жизни – выжить, ждёшь боя, и даже ищешь его. Хочется быстрее отведать похлёбку войны, чтобы уравниаться в правах с теми, кто уже ею сыт. Рисуешь себя героем, допускаешь и даже желаешь получить ранение, но лёгкое. Смерть? Нет. Одёргиваешь эту мысль, как руку от огня.

Где же ты, первый бой? Я жду, я готов.

А он врывается неожиданно: со взрывом впереди идущего БТР-а.

Белым, белым полем дым.

Огромный столб чёрного дыма и, как сейчас, вижу: медленно летящее вверх колесо БТР-а – как в замедленном кино. Впервые почувал, и тут же запомнил на всю жизнь смесь гари, пороха и страха. У страха, оказалось, тоже есть запах. Запах смерти. Описывать бессмысленно – это очень лично, даже интимно. Каждый чует по-своему, но безошибочно отделяет этот запах от тысячи других.

Розенбаум ошибся только в одном слове:

Белым, белым...чёрный дым.

Спрыгиваю с брони, подбегаю к лежащему на снегу сержанту. Он качает головой, обхватив её руками, что-то кричит и ничего не слышит. Контузия.

*Волос был чернее смолы –
стал седым.*

– здесь всё точно.

Шесть человек на броне – шесть контузий – мелочь по расценкам войны, да и БТР-у повезло: сам дополз до базы. Один взрыв – и весь бой.

Под аккомпанемент «Вещей судьбы».

Серенький человек

Вон там, на той стороне улицы, возле газетного киоска, видите?

Человек.

Неприметный такой, среднего роста, среднего возраста. Да нет, не этот видный и важный, а тот – левее, сразу за ним – в сером костюмчике.

Э, нет, с дамой – другой. Какая дама, что вы!

Ну, подождите, сейчас толпа разойдётся, и вы увидите. Сейчас, сейчас.

Ага, вон – отделился от толпы – впервые в жизни. Заметили?

Так вот, это – я.

Сейчас куплю газетку и пойду к переходу. Потом маршрутка-метро-работа, и обратно: работа-метро-маршрутка. И снова появлюсь здесь. Я тут рядом живу. Интересно, а если не появлюсь? Что-нибудь изменится? Не в мире, конечно, а хотя бы там, на пяточке, возле киоска?

Вряд ли – неприметный я.

Даже когда я там, у киоска, стоял – и то меня не было видно. Я есть, а меня не видно.

По сути, для других меня нет.

Что же сделать, чтобы я появился? Что?

Может, написать что-нибудь?

О себе?

Чтобы все узнали!

И напишу.

Вот и название придумал:

«Серенький человек».

Улыбка

Мне, курсанту военного училища, восемнадцать.
Еду в метро, спешу.
Остановка.
Входит девушка. Хорошенькая (если одним словом).
Случайно встречаемся глазами и... вспышка – пространство искрит нашими улыбками.
Полсекунды – почти вечность...
Но больше не выдержать – сгоришь. Отводишь глаза, чтоб остыть.
Чуть погодя взгляды на ощупь отыскивают друг друга, чтобы вновь обняться.
Ток по всему телу, но напряжение приятное.
Сияние улыбки слепит... Опускаю глаза, чтобы сохранить зрение.
Следующая остановка.
Мне выходить.
...Чёрт!
Но выхожу.
Меня разворачивает, как стрелку компаса – на неё.
Глаза в глаза. Улыбка в улыбку... лёгкая надежда...
Двери закрываются.
...???...
Поезд уносит улыбку в темноту тоннеля, оставив на всю жизнь отношения нетронутой чистоты.

***

Спустя много лет еду на машине. Останавливаюсь перед светофором в потоке транспорта.
Бросаю взгляд влево – за рулём соседнего авто – симпатичная женщина. Встречаемся глазами – улыбаемся.
Секунду размышляю и сигнализирую ей рукой: опусти стекло.
Вопросительно улыбаясь, опускает.
Бросаю в салон её машины шоколадку. Смеётся – благодарит.
На всё про всё – пятнадцать сек.
Зелёный свет.
Поток машин нас подхватывает и уносит.

Через три квартала – светофор – снова оказываемся рядом. Улыбаемся: мол, судьба.

Я: «А у меня больше ничего нет».

Читаю по губам: «Спасибо!»

Зелёный свет.

Мы разъезжаемся навсегда, оставив на лицах тёплую печать улыбки, быть может, той самой, выпорхнувшей через годы из тоннеля метро.

2009

Персиковая косточка

Панама, чёрные очки, купальник – вот всё, что было на ней.

Она сидела лицом к солнцу, с широко расставленными назад руками и слегка раздвинутыми ногами, приняв типичную пляжную позу.

Он лежал на спине в паре метров от неё: головой к ней, ногами к солнцу. Перевернувшись на живот, он буквально упёрся в неё глазами. «Ух, ты!» – отметил он про себя. «Да, вот такая я!» – говорило её бронзовое молодое тело. Он почувствовал себя подвластным её очарованию, и чтобы чем-то занять себя, принялся перебирать морские камушки своими сильными пальцами. Ему попала персиковая косточка, уже отшлифованная прибоем и подсушенная солнцем. Наглая хулиганская мысль, пришедшая ему на ум, была настолько соблазнительной, что не осуществить её оказалось труднее, чем сдержаться. Он уложил косточку на небольшой плоский камень, прицелился и... щелчком отправил косточку по направлению к ней.

Косточке пришлось подчиниться силе и угодить именно туда, куда он и целился...

Сквозь защитные очки она наблюдала за его манипуляциями, но всё же выстрел оказался неожиданным своей наглостью и точностью.

...

– И что это? – спросила она, приподняв очки, стараясь придать лицу строгость.

– Персиковая косточка, – ответил он...

Конкуренция

Конкуренции нет.

Когда я это обнаружил, мир не изменился, и солнце не стало светить ярче и только мне. Да и правильно: миру и солнцу нет никакого дела до моего понимания какой-то там конкуренции. Солнце-то и слова такого не знает. Ему-то зачем?

Конкуренция, конечно же, есть. Есть слово, и есть явление. Дело лишь в среде обитания.

Она возможна среди обыденности и неизбежна среди бездарности. Для Мастера конкуренция отсутствует. Толковый словарь разъясняет конкуренцию, как соперничество, борьбу за достижение больших выгод и преимуществ. Мастер же творит не для выгоды и прибыли. У него иная мотивация – внутренняя потребность творить. Каждый творец – это источник, особый, индивидуальный. Помнится, будучи в кавказских горах я оказался на маленькой двадцатиметровой полянке, из которой било целых три нарзанных источника! Причём вкус каждого источника был изумителен и отличен от двух других.

Талант – это индивидуальность, гений – ультраиндивидуальность. Там, где обнаружена конкуренция, талант искать тщетно.

Таланты нельзя сравнить – не получится. Их можно поставить рядом, но ни один из них не будет затмевать другой. С-равнить, а по сути, у-равнить их между собой, построить по ранжиру и вообще применить знаки «равенства», «больше» или «меньше», – нельзя. Талант несравненен. Тут арифметика бессильна, ведь она – королева количества, а здесь вопрос качества – это к физикам.

Таланту можно задать один вопрос: «Кто?» (сделал) – и это, по сути, определит ответ на два последующих: «Что?» (сделано) и «Как?» (сделано). Конкуренции же интересен только вопрос «Сколько?»

Конкуренция – это цена. Талант – это ценность.

Талантливое творение то, у которого ничего нельзя отнять, и к которому невозможно что-либо добавить. Это –

точка в смысле завершенности и многоточие в смысле восприятия.

Мастер первичен, ремесленник вторичен. Ремесленник копирует и тиражирует продукт Мастера. Кто быстрее, ловчее, шустрее – тот и первый. Это и есть конкуренция, причём нечестная. Честной конкуренции не бывает. Соблазн отдать меньше и получить больше всегда будет стоять над честью.

Надо быть честным хотя бы для того, чтобы это признать.

Но легко ли быть честным?

Легко: нет конкуренции.

2011

Плач

Я сегодня услышал, как человек плакал. Он мне сначала долго рассказывал о своих делах, о жизни, о трудностях – и потом вдруг расплакался.

Я не люблю нытьё и слёзы. И поэтому этот плач меня мало растрогал, но я вдруг обнаружил в себе некую перемену в оценке этого человека. Я действительно не люблю, когда плачут взрослые люди, причём без особых причин. А тут вдруг – «щёлк!», и во мне что-то переключилось.

Мне удалось выяснить природу этого щелчка. Я понял, почему мне даже понравился этот плач! Не то, как он был исполнен, и не его причины. Не как сам по себе эмоциональный всплеск, не как «вещь в себе» – по Канту. В отличие от великого философа, меня заинтересовала не суть явления, а его среда обитания.

Поясню.

Плач – ярко эмоциональная среда пребывания человека. Среда (т.е. то, что «среди», внутри) человеческой чистоты и человеческой настоящести. В среде настоящести нельзя быть фальшивым, как невозможно оставаться сухим в воде. Ничего наносного и театрального. Всё как есть. Слёзы смывают макияж и многослойные маски, с помощью которых взрослый человек умело маскируется в разных обстоятельствах жизни. Плакать как бы нехорошо, некрасиво, неприлично... но раз уж человек отдался этой слабости, то наверняка были причины, позволившие ему отбросить и хорошесть, и красоту, и приличия – и прочие социально обусловленные штучки, приобретённые человеком в ходе «эволюции».

Плач, как следствие горя, беды и негатива (редко – огромной радости) – на самом деле только опознавательный знак пережитого. А меня зацепило именно то состояние, в котором он возможен или неизбежен.

Пропусту говоря, в момент рыдания человек был человеком гораздо более, чем когда-либо. Плач – пиковое душевное напряжение. Это меня и подкупило. Возможно, это касается не только плача, а любой другой

эмоциональной рефлексии, когда она искренняя и яркая. Смех, например. Хотя нет, смех – это другое. Друг познаётся в беде. Про смех тут ничего не сказано. Познавая друга в радости, легко ошибиться.

Позволяйте себе иногда слёзы. Они очищают.

Хоть я их и не люблю.

2009

Полнолуние

Полнолуние...

Монетка на чёрном бархате.

Манит, чарует – глаз не отвести.

Хочется загадать желание, но стыдно.

Стыдно отягощать такую красоту мелочью своих проблем.

Это бестактно и глупо.

...

Ушёл спать в лёгком очаровании.

2010

Цветное эхо неба

Солнце подмигивало краем глаза, выглядывая из-за туч. Его взгляд, золотом обведя контуры облаков, улёгся на землю светлым пятном, потом подполз к реке и медленно поплыл по ней, пока наконец не повстречался с дождём.

Эта встреча оказалась судьбоносной.

Солнце не растерялось и заиграло на серебряных струнах дождя красивую мелодию. Эта мелодия дождя и солнца застыла в радуге. Она необычна: не акустическая, но акварельная. Её не слышно, но видно.

Она – цветное эхо неба.

* * *

Вы никогда не замечали, что каждому увидевшему радугу хочется привлечь к своей радости весь мир? Радоваться радуге в одиночку невозможно. Она – радость всеобщая. Заметив её, тут же хочется растолкать окружающих: «Смотрите, смотрите, радуга!» И потом, по-детски затаив дыхание, замереть перед акварелью неба. И попробуйте глядеть на радугу без улыбки! Ничего не выйдет, потому что радуга – и есть улыбка неба! Небо улыбается нам, посылая надежду и веру жизни. – Ра-а-адуга-а-а! – кричу, поднимая руки навстречу солнцу и дождю, и в ответ слышу эхо – «дуг-а-а-а!», и в ответ вижу эхо – цветное эхо неба.

* * *

Солнце уже садилось, и его лучи упирались в тучи параллельно горизонту; затарабанил крупный дождь, и на моих глазах в небе проявилась радуга. Кто-то одним размашистым движением прочертил по небесному полотну широкую полоску – цветную арку в небо, зовущую и манящую. Она всегда открыта и всегда без засовов и замков. Но недолговечна.

Стоя перед ней, ощущаешь предчувствие некоего тор-

жества – стоит лишь шагнуть вперёд. И ты делаешь этот шаг, потому что солнце садится – и дуга вскоре погаснет. Надо спешить.

И ты успеваешь. Успеваешь стать в точку, вокруг которой натянута линия света. И вдруг с улыбкой обнаруживаешь, что находишься в геометрическом центре этого полукруга. Ты – в центре чуда, ты – часть его.

Радуга – это чудо света, его код, его тайна. Она поражает взгляд своей прозрачностью красок и своей идеальной фигурой – полукругом. Но почему же видна только половина круга? Быть может, он просто сложен пополам, а линия перегиба совпадает с горизонтом?

Сердце отказывается слушать подсказку ума об известной уже физической разгадке о дисперсии света и слепо верит в чудо.

Да и правильно, ведь вере не нужны знания.

2009

Ашдваошка

Жила на свете симпатичная девочка Ашдваошка. Круглолицая, весёлая, прозрачная, мягкая и чуть-чуть мокрая. Жила она в речке, в дождике и даже в тумане. И везде ей было хорошо и весело.

Но больше всего ей нравилось жить в снежинке.

Когда приходила зима, Ашдваошка от холода начинала танцевать и её округлость исчезала. Она становилась гибкой и изящной, и тут морозец словно фотографировал её, образуя изящные кружева. Так она становилась Снежинкой – красивой и грациозной девушкой. Снежинкой она обожала кружиться с ветерком в танце. И делала это легко и обворожительно до самой весны.

А весной она таяла – и снова превращалась в капельку. И первым весенним делом она прыгала с сосульки в лужу, где её уже поджидал её давний друг – Солнечный зайчик...

2010

Осенька

Жила была девочка Осенька. Она вставала с солнышком, заплетала себе косички, вплетая в них кленовые листочки, и уходила гулять. Когда она вприпрыжку шагала по улице, листочки, словно ласточки, летели рядышком.

Солнышко любило Осеньку и при встрече подмигивало ей из-за тучки. А как-то вечером подарило ей золотистое платьице. В нём Осенька была очаровательна, как принцесса.

Осенька дружила с Дождиком, который прибегал к ней почти каждый день. Он гладил её щечки своей жемчужной ладошкой, шептал серебряным голосом ей на ушко всякие всякости, и она так звонко смеялась, что кленовые листочки в косичках дрожали от восторга. Нашептавшись и насмеявшись, они брались за руки и бегали по лужам, обрызгивая случайных прохожих. Очень-очень Осенька нравилась Дождику. Очень-очень. И однажды он не сдержался – и поцеловал её... Ах, как она зашлась румянцем! Вся-вся-вся – насквозь...

И теперь уж все знают, что золотистое платьице Осеньки – это подарок Солнышка, а её багрянец – поцелуй Дождика.

2010

Веточка белых лилий

Вечерело, но солнце было ещё в силе.

В пастельную палитру летнего города неожиданно добавилось два смелых мазка: чёрный и белый – неизвестно откуда взявшихся жениха и невесты. Они были одни, без полагающейся свиты и без цветов – и, очевидно, от этого картина выглядела неоконченной. Их свадебный наряд был несовместим с будничностью улицы, как если бы в букете полевых ромашек художник нарисовал гладиолус...

Они шли, взявшись за руки, и тихо разговаривали. В их походке читалось уставшее, ещё неокрепшее счастье и какая-то лёгкая грустинка, навеянная неведомой нам причиной.

Эту грустинку уловили две девушки, гулявшие неподалёку. Одна из них скрылась в цветочном магазине и вскоре появилась с веточкой белых лилий. Весело переглянувшись, девушки поспешили навстречу новобрачным. Их походка была – сама улыбка. Город замер, предвосхищая чудо, не решаясь перелистывать следующую страничку этой истории.

И всё же следующая страница была ещё очаровательней.

Да, лилии предназначались невесте. Незнакомка подарила цветы вместе со своей улыбкой – просто и искренне. Невеста, смутившись, приняла их словно дар свыше.

Вселенная растрогалась.

Жених опешил, но вскоре нашёлся и... неловко поцеловал незнакомку в щёчку...

– Ну что ты, милый, – тихо произнесла невеста, – таким женщинам надо целовать руку...

Метафизика звука

Сегодня у меня был сольный концерт. Всё было здорово. В кайф.

Люблю заводиться на концертах, очень люблю, и сегодня это случилось! Когда музыкальная волна накрывает с головой – забываешь всё: слова, мелодию, акценты... Забываешь самого себя и сливаешься с музыкой.

Играть вживую с классными музыкантами – словно кружить в танце с обалденной танцовщицей, которая чувствует тебя кожей, взглядом, сердцем.

Звук, извлечённый кончиками пальцев о серебро струн, голос, рождённый дрожью дыхания, – и есть живая музыка. Слово в лучах звука – песня! И жива музыка только в момент исполнения и только в принявших её душах. Сегодня было много таких душ. Было единомушие.

В такие моменты происходит невероятный резонанс с самим собой, с залом, со Вселенной! Происходит переход в другое измерение. В этой точке заканчивается физика и начинается нечто новое – метафизика звука... Я был сегодня в этой точке, растворившись в аплодисментах многоточия...

2010

Джаз

Джаз – это ветер в степи. Иногда колюч, иногда мягок, но всегда свеж.

Дохнёт жаром – изойдёшь потом; обольёт прохладой – приятно съёжишься; закружится в вихре ритма – не уловишь. То заманит вверх, то обрушится с неба... Угадать направление даже не пытайся. Он может начаться и закончиться в любой точке степи... И неустойчив он, как перекати-поле.

Пауза: одна доля, две, три – сколько выдержишь. И, вдруг очнувшись, понимаешь, что ты уже подхвачен завываниями музыки, что кожей чувствуешь его прохладное касание: то смелое, то неуверенное.

Снова ты в его власти. Но быть его рабом – наслаждение.

2010

Дуэль

Сатисфакция...

Хорошее словечко!

Холодное. Неизвестное. Магическое.

Означает оно – дуэль. Слово-выстрел.

Смог бы я выйти на дуэль?

Стреляться...

Насмерть...

Ради чего? Ради кого?

Смог бы?

Вопрос трудный, исторически запоздавший...

Абстрактно не ответишь.

Да, время сатисфакций ушло.

Пришла пора «гуманной» формы общественного суда, из которого всегда можно выскользнуть. А дуэль – это суд чести, личностный, мгновенный, прямого действия. Отказаться от неё – позор на всю жизнь. И даже если подлец – отличный фехтовальщик или стрелок, он всё равно отвечает. ОТВЕЧАЕТ своей жизнью!

Институт дуэли по сути – чеканная монета чести. Дуэль не могла вспыхнуть из-за имущественных споров. Причина только одна – оскорбление.

Я далёк от мысли, что наши предки были сплошь благородны и честны. Это – общее заблуждение, ставшее чуть ли не мифологемой. Но дуэль, даже не сама по себе, а всего лишь её возможность, играла заметную роль в очищении мира от человеческой грязи. Тень её присутствия в человеческих отношениях была холодным душем от нечестивого поступка.

Сегодня правосудие денежно-шушукующее. Суд – декорация, пошлая театральная постановка с известным сюжетом.

На дуэли финал неизвестен. Он во власти случая, а не справедливости. Случай подсуден теории вероятности, а правосудие – «Фемиде».

Но математика всегда честней юриспруденции.

Суета

С холма киевского ботанического сада горизонт взгляда упирается в колокольню Свято-Троицкого Ионинского монастыря и ускользает вдаль поверх всего левобережного Киева. Здесь, в каких-нибудь десяти минутах езды от центра города, неожиданно глохнешь от тишины. Дивишься этой почти невозможности!

И, находясь на стыке двух ритмов, двух шумовых пространств, делаешь маленькое открытие, тысячи раз до тебя сделанное: всё суета сует.

Вырвавшись из бешеного темпа толпы и отключившись от акустических помех, как на ладони видишь несовершенство мира: в погоне за скоростью человечество захлебнулось этой самой скоростью, застыв в пробке на мосту Патона.

2010

Биография

Куприенко Вячеслав Николаевич родился 28.02.1964 в городе Алчевске Луганской области (Украина).

1981 – окончил СШ №22 Алчевска.

1985 – окончил факультет разведки Киевского высшего общевойскового командного училища им. М. В. Фрунзе.

1987-1989 – служил в Афганистане в должности командира группы специального назначения

177 отдельного отряда СпН. Награждён двумя орденами Красной Звезды.

1992 – уволился из Вооруженных Сил в звании капитана.

После увольнения из ВС работал переводчиком китайского языка, перевёл книгу с китайского

«100 вопросов по у-шу» (1997), написал книгу

«Фэншуй – акупунктура земли» (1999).

Дискография:

1997 – сборник песен «Я хотел отыскать дорогу»

1999 – аудио-альбом «Гимн сердца»

2000 – аудио-альбом «Хочется»

2003 – аудио-альбом «Семь перевалов»

2004 – аудио-альбом «Полёт»

2007 – аудио-альбом «Исповедь офицера разведки»

2011 – аудио-альбом «Ничего взамен»

Участие в фестивалях:

2000 и 2001 – Лауреат II и III Московского международного фестиваля “Виват, Победа!”

2002 – Лауреат V Всероссийского фестиваля «Боевое братство».

2002 – Лауреат Всеукраинского фестиваля авторской песни «Бабье лето», Харьков.

2003 – Лауреат IV Харьковского международного фестиваля «Солдаты XXI столетия против войны».

2003 – Лауреат IV Берлинского международного фестиваля «Русский акцент».

2005 – Лауреат V Нижегородского международного фестиваля «Победа».

2007 – Лауреат I всеукраинского фестиваля «Чернобыльские мотивы».

2010 – Лауреат VI Московского международного фестиваля «Солдаты России».

Песни Вячеслава Куприенко взяты для саундтреков

к документальным фильмам «Афганская война»,

«Афганский синдром», «Спецназ – лекарство от

терроризма», эссе использованы в мюзикле «Афган».

О себе

Мне было 7 лет, когда отец отвёл меня на прослушивание в музыкальную школу. Учительница попросила угадать звучание нескольких нот, с чем я, кажется, справился. Потом попросила что-то спеть. Я уверенно заорал:

*«Эх, тачанка-ростовчанка,
наша гордость и краса,
конармейская тачанка,
все четыре колеса.»*

Еще тогда я подсёк отцовскую улыбку, которую батя всячески старался скрыть... Я, наивный, думал, что отец радуется за сына. Ага, как же! Короче, диагноз был такой: «У мальчика слух есть, а голоса нет». Но, мол, пусть он старается, чаще поёт – и голос разовьётся.

И меня взяли, и я стал заниматься на фортепиано. Рвения с моей стороны не было, потому как к музыке меня прикрепили «паровозом» за моей старшей сестрой. Буквально через пару месяцев учительница уволилась, а заниматься с другой я наотрез отказался. Музыкальный паровоз уехал без меня. Но я недолго стоял на перроне и вскочил в пригородную спортивно-дворовую электричку. Здесь было по-свойски уютно. Впереди была целая жизнь для занятий более серьёзных, нежели музыка.

Был двор, был спорт, был автотрассовый моделизм, была «Зарница»... и всё это – под размашистый аккомпанемент «трёх блатных аккордов». Много чего было перепробовано: футбол (10-14 лет), бокс (15-17 лет) и эпизодически ещё 5-6 видов спорта. Параллельным курсом шли автомоделлизм и «Зарница». В футболе я подавал надежды, всегда играл в основном составе, по боксу был чемпионом города и бронзовым призёром области. За моделизм осталась целая стопка грамот различного достоинства: от первого в школе до лучшего в области. «Зарница», по сути дела, осуществила мою проф-

ориентацию и практически подготовила меня к военному училищу.

Уже в курсантских погонах меня случайно занесло в спортивное ориентирование. И очень скоро я искренне полюбил этот вид спорта, по своей внутренней логике совпадающий с моим внутренним «я». «Дурная голова ногам покоя не даёт» – это об ориентировании... и обо мне. Тут я дорос до кандидата в мастера спорта.

А ещё из значимого было каратэ, у одного из лучших тренеров в Союзе. В результате – полулегальная корочка тренера и судьи международной квалификации. Перечитав только что написанное, с улыбкой отметил: орёл...

После 6-го класса я купил гитару. Тогда это было удачей, ведь в магазинах их просто не было! Она досталась мне с рук за 15 руб. Потёртая семиструнка черниговской музыкальной фабрики с овальной наклейкой слегка эротической дамы. Такие наклейки были особым шиком: ГэДээРовские, немецкие! На ценнике внутри гитары значилось «13 руб.». Столько я и выпросил у матери, добавив 2 своих кровных рубчика, сэкономленных на школьных обедах. Так у меня появился первый инструмент, и я заболел гитарой. Начались дворовые песни и первые выступления на школьных вечерах. Как-то с одноклассником Лёшкой мы на вечере спели, по-моему, «Школьный вальс». Да так душевно, что наша классная дама, строгая и сухая физичка, выпалила: «Мальчишки, как здорово!» Мы обалдели и поняли: искусство творит чудеса.

Помню, как в лагере труда и отдыха, после 8-го класса, я переделал слова песни «Листья жёлтые» под текущий момент, и спел их там на вечере самодеятельности:

«Не прожить нам в школе этой
без потерь, без потерь...
Раньше люди жили стадом,
тот работал, кому надо,
а теперь, а теперь...»

Был сумасшедший успех. Девчонки наперебой просили дать переписать слова. Но авторские амбиции – штука ещё не изученная, и я вредничал, и давал нехотя. Не мог сложить себе цену.

Потом был Афган, и была первая песня «8 декабря», посвящённая памяти Лёши Трофимова. Потом ещё несколько песен – всего около пяти. И... тишина на 7-8 лет. В творческом плане война была замечательной провокацией, на которую я «повёлся». И это была моя первая проба слова в музыкальной оправе.

Дослужив до капитанских погон, я перестал интересоваться майорскими. Уволился. Пригодился училищный диплом переводчика с китайского. И я погрузился в китайский язык и в культуру древнего Китая. Первые мучительные письменные переводы, поездки в Китай переводчиком, публикация переведённой книги «100 вопросов по у-шу»...

Письменный перевод – это, по сути дела, изложение прочитанного очень близко к тексту. Это – трудная работа, причём больше с родным языком, нежели с иностранным. И вообще, насколько я понимаю, хороший переводчик не тот, который в совершенстве знает иностранный язык, а тот, кто исключительно чувствует свой родной язык.

Помню, как взял в руки первый экземпляр, полистал, нашёл свое имя. Приятно. И что дальше?

Появились песни, много и на разные темы, порой с отголосками китайского мироощущения. Это было спасением. Они – песни – уже не вмещались в квадратуру маленькой кухни и требовали расширения акустического пространства. Так они меня вытолкнули на сцену.

На первый мой концерт пришло около 20 зрителей. Я им безумно благодарен за этот аванс. У меня сохранилась запись одного из первых моих концертов... Будь я зрителем, вряд ли бы стал самого себя слушать. Чуть позже был первый успех на международном фестивале «Виват, Победа» в Москве. Это – самая дорогая для меня награда. Признание меня, как автора-исполнителя (прежде всего, конечно, как автора),

известными людьми – членами жюри Евгением Крылатовым и Валерием Золотухиным было лестно.

Что было дальше? Фестивали, концерты, новые песни, новые альбомы... Уверенность и сомнения. Жуткий интерес к слову – короткому, ёмкому и единственно возможному в данном месте строфы или строки. И любовь к музыке – не первая безумно-страстная, а зрелая, медленными глотками, в кайф.

Мне нравится создавать и вращать свой маленький мир по оси «актёр-зритель». Чувствовать кожей гравитацию этих полей, их взаимопроникновение, взаимозависимость, их пересечение, сплетение и единение.

Только бы не разлюбить! А жить без любви и интереса – скука невыносимая.

Что ещё?

А всё.

Остальное – в песнях, стихах, эссе и сказках...

СОДЕРЖАНИЕ

Как я выбираю книгу

Вместо предисловия.....5

Стихи

Поэт ненаписанных строк.....	8
«Прислушайся к молчанию небес...».....	9
Чёрная дыра.....	10
Рисунок счастья.....	11
«Цветы, прекрасные цветы...».....	12
Маяк неба.....	13
«Любуюсь закатом...».....	14
«Апельсин луны...».....	15
«В чашке чёрного неба...».....	16
«Ветки свились в иероглиф...».....	17
«Дождь, солнце, радуга...».....	18
«Море ласково щекочет...».....	19
«Вечерняя заря...».....	20
«Дождик скачет за окном...».....	21
«Закат...».....	22
«Предрассветие...».....	23
«Мысли мягко бьются в такт...».....	24
«Я недавно открыл для себя новый мир...».....	25
Коктебель.....	26
«Сказала Смерть: «Его пора кончать...».....	27
В зоопарке.....	28
«Чем любит человек? пожаром сердца?».....	29
«Отлившись в форму кресла, зритель ждёт...».....	30
«Слова, слова...».....	31
«Прощай, поэзия! Мне рифмы изменили...».....	32
«Вот Свет...».....	33
«Когда захочешь вдруг...».....	34
Я не умею.....	35
«Всё делай сам. Причём тут Бог?».....	36
Смерть умерла.....	37
«Когда поймёшь, мой друг...».....	39
Занебесье.....	40
Белым по белому.....	41
«Кто виноват? Вопрос, как мир, не нов...».....	42

«Услышать, как падают листья...».....	43
«Очень осенняя...».....	44
«Два путника – мужской и женский род...».....	45
«Слеза...».....	46
«Улыбка...».....	47
«Многотучье небес...».....	48
«Катались мы на падающих звёздах...».....	49
«За окном листва кружит...».....	50

Песни

Восьмое декабря.....	52
Любимым.....	53
Нацистский значок.....	54
Я вспоминаю.....	55
Арифметика боя.....	56
Там Россия, здесь Афганистан.....	57
Письмо другу.....	58
Эх, пацаны!	59
Февральская звезда.....	60
Под красным крестом.....	62
Посмертная исповедь офицера.....	63
Снайперы.....	64
Ангелы заоблачного флота.....	66
Марш павших шахтёров.....	68
Мёртвый город.....	69
Дым.....	70
Ничего взамен.....	71
Баллада о лётчике.....	72
Давайте, ребята!.....	74
Киевская Русь.....	75
Я говорю на русском языке.....	76
Семь перевалов.....	77
На Владимирской Горке.....	78
Рисую Киев акварелью.....	80
Баллада о городе Алчевске.....	82
Любимый город.....	84
Старый вокзал.....	85
Путевые заметки.....	86
Дорога.....	87
Полёт.....	88

Мир для тебя.....	89
Техника ловить поток.....	90
Путь.....	91
Я хотел отыскать дорогу.....	92
Посмотри на себя.....	93
Мы правы все.....	94
Очередное вчера.....	95
Хочется.....	96
Школьный ветер.....	98
Первоклашка.....	100
Ночь. Признание.....	101
Гимн сердца.....	102
Теберда.....	104
Эхо тишины.....	105
Дождь.....	106
Осенний вальс.....	107
Зимний эскиз.....	108
Луна.....	109
Цыганка-осень.....	110
Танго с незнакомкой.....	111
Бархатный месяц любви.....	112
Апельсиновый блюз.....	114
Времена любви.....	115
Моя.....	116
Татьянин вальс.....	117
Московский блюз под дождём.....	118
Кимоно.....	119
Про Это.....	120
Шопинг по-дамски.....	122
Давай с тобой займёмся джазом.....	125
Джон.....	126
Сиреневый шарф.....	127
Мне двадцать пять.....	128

Шорты

Почему «шорты»?.....	130
«Стоял столб...».....	130
«Шёл человек...».....	131
«Между столбами висел провод...».....	132
«Летела муха. Бац – стекло...».....	133

«Было темно, светил фонарь...».....	133
«Вышел Зряка на зарю позрякать...».....	133
«Началось...».....	134
«Птенца спросили...».....	134
Светофоры.....	135
«Весной прилетают аисты...».....	136
«Пылесос сосёт чужую пыль...».....	136

Эссе

Мама, я вернусь.....	138
Возвращение с войны.....	139
Мой Афган.....	140
История одного посвящения.....	141
Векторы войны.....	144
Разведка выбрала тебя.....	146
Первый бой.....	147
Серенький человек.....	149
Улыбка.....	150
Персиковая косточка.....	152
Конкуренция.....	153
Плач.....	155
Полнолуние.....	157
Цветное эхо неба.....	158
Ашдваошка.....	160
Осенька.....	161
Веточка белых лилий.....	162
Метафизика звука.....	163
Джаз.....	164
Дуэль.....	165
Суэта.....	166
Биография.....	167
О себе.....	168
Содержание.....	172

**ББК 84.4УКР=РОС
К 92**

Литературно-художественное издание

Вячеслав Николаевич КУПРИЕНКО

НИЧЕГО ВЗАМЕН

Стихи, песни, эссе

КОТО «Культура», Белая Церковь, «Буква», 2012. –
176 С.: портр.

Редактор – Татьяна Майданович

Корректор – Марина Арестова

Художественное оформление – Дарья Куприенко

Фото – Анна Семёнова

ISBN 978-966-2927-06-1

Подписано к печати 15.05.2012.

Формат 84x108 1/32.

Бумага и печать офсетные.

Гарнитура Georgia.

Усл. печатн. л. 9,497. Тираж 500 экз.

КОТО «Культура»,

МП Издательство «Буква»:

09100, Белая Церковь, ул. Подвальная, 28-А.

Тел./факс 04563-6-20-92

Свидетельство о внесении
в Государственный реестр
субъектов издательского дела
ДК № 1564 от 11.11.2003 р.